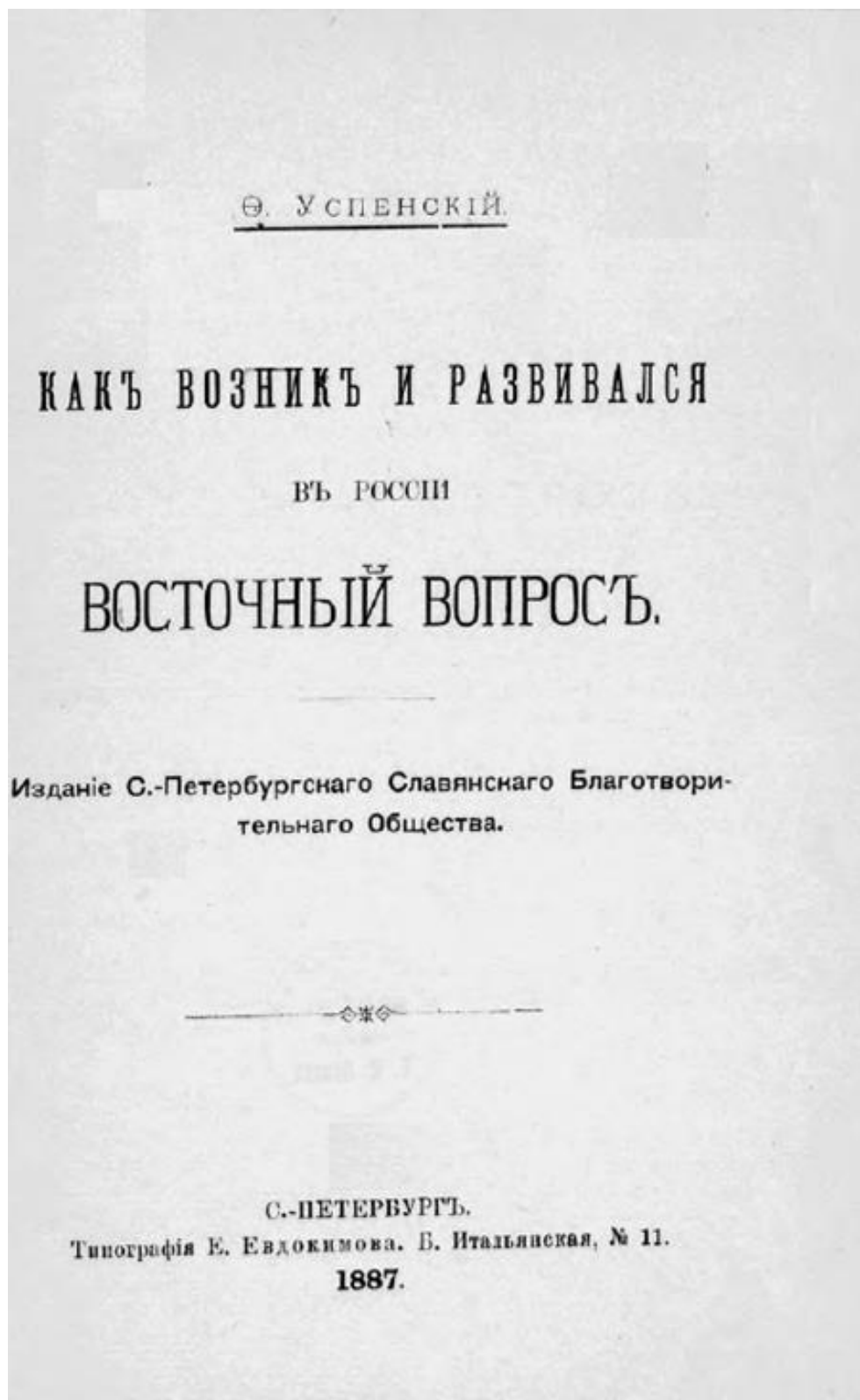


Успенский Ф. И., проф. Как возник и развивался в России Восточный вопрос



Разбивка страниц настоящей электронной книги соответствует оригиналу.

Ө. УСПЕНСКІЙ.
КАКЪ ВОЗНИКЪ И РАЗВИВАЛСЯ
ВЪ РОССІИ
ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОСЪ,

Издание С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Е. Евдокимова. В. Итальянская, № 11.

1887.

КАК ВОЗНИК
И РАЗВИВАЛСЯ НА РУСИ
ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС.

I.

Выступая с новой попыткой развития довольно старой темы, автор прежде всего желал бы передать благосклонному читателю хотя частицу своего убеждения, что в нашей литературе в сущности нет пособий для ознакомления с историей восточного вопроса. Недостатком исторического изучения предмета должны быть объясняемы довольно различные, а часто и противоположные взгляды, которые высказывались по поводу восточного вопроса в наших газетах и журналах за последние годы. Не может быть сомнения, что и в русском обществе, не смотря на переживаемые события, не составилось еще твердо установленного воззрения на восточный вопрос. Так, недавно мы присутствовали и даже принимали живое участие в событиях на Балканском полуострове, но разве определилось этим наше отношение к восточному вопросу на будущее время, разве не двоилось и не двоится наше сознание, разве не хромаем мы на оба колена, наконец разве мы отдали себе строгий отчет в причинах, вызвавших народное русское движение десять лет, тому назад?.. Было ли

это в самом деле, как подсказывали некоторые наши и заграничные органы, искусственное возбуждение, руководимое партией славянофилов, или же естественное пробуждение, народного чувства, вызванное сознанием исторических задач?

1

2

По отношению к восточному вопросу мыслящему русскому человеку нельзя двоиться. Каковы бы ни были дальнейшие фазы развития восточного вопроса, Россия не может держаться от него в стороне, если только какое-либо непредвиденное потрясение не даст ей способности забвения, не отшибет у нее память о том, чем она жила, к чему стремилась и от чего страдала.

У нас главным образом мало было обращено внимания на зарождение и первоначальное развитие на Руси идеи восточного вопроса. Таким образом, является настоятельной потребностью рассмотреть историческое происхождение русских воззрений на этот вопрос. Уже в первичной стадии развития восточный вопрос оказывается так тесно сросшимся с нашими историческими задачами и таким необходимым элементом в Русской истории, что роковая неизбежность участия России в разрешении его не только живо сознавалась самими русскими, но и была им внушаема извне. Восточный вопрос оказывается далее центром, вокруг которого группируются крупнейшие факты Русской истории, главным рычагом и стимулом нашего общественного развития: вместе с восточным вопросом изучается история развития русского национального самосознания. Если в предлагаемой статье нам удастся доказать эти положения, то вместе с тем мы надеемся достигнуть и оснований для более устойчивых взглядов на восточный вопрос.

Внешние факты, относящиеся к развитию турецкого могущества в Европе, в изобилии могут быть почерпаемы из политических историй Турции, Австрии, Италии, Венеции и славян Балканского полуострова. Но факты являются выражением внутренних сил и воплощением идей; история состоит в объяснении фактов, та или другая комбинация последних придаст особый характер самой истории. Как выражение действующей живой силы, факт может быть запоздалым, недостаточно выраженным, или наконец неправильно понятым. Вт. истории много ложно истолкованных событий, не мало роздано историками незаслуженных лавровых венков. Составляют историю люди, внося в нее свои воззрения, страсти, симпатии и антипатии.

Прежде всего во внешней истории восточного вопроса не

3

отмечен или мало выяснен один из выдающихся фактов европейской истории: тысячелетняя борьба Европы с Азией. Кто из европейских историков считался с тем фактом, что в течение всех средних веков греки и славяне защищали Европу от азиатских хищников, что Византийская империя и славяне южные и восточные, находясь на рубеже Европы и Азии, честно и грозно держали знамя, как европейский авангард и передовой пост цивилизации? Несомненно, они отстали от своих западных соседей, но этим последним следовало-бы помнить, что греки и славяне страдали, слабели и погибали, исполняя то дело, которому иначе пришлось бы посвятить свои силы германцам, французам и итальянцам. Последствия недостаточной оценки этого положения громадны. Они обнаруживаются в несправедливых приговорах и заключениях о причинах отсталости восточной Европы от западной, о культурной неспособности славян сравнительно с западными их соседями. В частности, этим-же нужно объяснять почти распространенное у нас воззрение на характер древней Руси, на ее внешнюю политику и международные сношения. Если под внешней политикой мы будем, понимать исключительно западноевропейскую, то конечно до XVI века трудно указать роль России в западной Европе; но если перенестись в международные отношения восточной Европы, то роль России определится весьма отчетливо, именно окажется, что и в древний период своей истории она не пренебрегала внешней политикой. Восточная Европа главнейше имеет задачей восточную политику, и в этом отношении восточный вопрос измеряется для нее тысячелетием.

Если расширить исторический кругозор и взглянуть под одним углом зрения на разнообразные и разновременные факты сношений Европы с азиатским востоком, то мы придем, к следующим наблюдениям. Чрез всю историю проходит ряд более или менее крупных, движений восточных народов на Европу. Цель этих движений та же, какая замечается в эпоху великого переселения народов: поголовное истребление и этнографические перевороты. Напомню про движение аваров, арабов, половцев и печенегов, турок-сельджуков, и монголов. Как рассматриваются в истории эти народные движения, т. е. как невы-

4

годно для восточноевропейской истории поставлены в науке факты, объясню на одном примере.

Всем известно про победу Карла Мартелла над арабами в 732 году. Еще из школы выносим мы благодарную память к тому франкскому майордому, который спас Европу и христианство от магометан. Между тем здесь требуется историческая поправка. Магометане в 732 выступили против франков далеко уже не с прежним доверием к своим силам, которые они незадолго перед тем растратили под стенами Константинополя. Следовательно, но справедливости, ослабление арабского элемента в VIII в. нужно приписать и грекам, и франкам. Далее, движение восточных народов в Европу оказывается далеко не случайным, а хорошо задуманным и правильно комбинированным. Мысль о завоеваниях в Европе родилась в Азии задолго до XIV века. Говоря об азиатских народах, мы привыкли употреблять выражения: народы тюркского племени. Эти тюркские народы, называемые то тюрками, то турками, то туркменами, или торками—далеко не так различны между собой по языку и происхождению, как обыкновенно думают. Половцы и печенегы—родные братья туркменам. Господствуя в южной России и на европейском востоке, половцы не теряли связей с соплеменниками своими между Каспийским и Аральским морем и далее на восток. Уже у печенегов замечаем одновременные движения на Византию с Балканского полуострова и из Малой Азии, где подавали им руку турки сельджуки. Более близкий нам пример—крымские татары, которые предпринимали набеги на Россию, сообразуясь с указаниями турецкого султана. Политическая и религиозная связь народов татарского или тюркского племени всегда была подобна той, которая существует теперь между турками и татарами. Так, известно, что половцы Бухары и Киргизских степей помогали сельджукам овладеть Грузией, Арменией, Сирией и Месопотамией. Также известно, что в войске Саладина были турки, куманы или половцы, кипчаки и туркмены.

У восточных народов уже с XI в. замечается стремление освободить Азию и Европу от подчинения христианскому царю и стать во главе народов Азии и Европы. Живучесть этой идеи в особенности свидетельствуется недавно

найденными монетами сельджукских эмиров Малой Азии. Они титулуют себя государями Романии и Востока.

Историческая тенденция мусульман ступить твердой ногой в Европе осуществлена была в XIV веке османскими турками, которым с тех пор принадлежит господствующая роль в магометанском мире. Нужно признать, что тенденция эта не была осуществлена ранее, благодаря лишь усилиям восточной Европы, т. е. славян и греков.

Мы не предполагаем следить за распространением османского могущества в Европе, остановимся только на двух самых выдающихся моментах: на завоевании Галлиполи в 1353 году и Константинополя в 1453 году. По выражению тогдашних политиков, Галлиполи был ключом в Европу, он не утратил своего важного стратегического значения и поныне. Кто владеет этой крепостью, у того в руках весь восточный вопрос. Занятие турками Галлиполи может считаться исходным моментом восточного вопроса. Мы воспользуемся здесь словами Цинкейзена. У Орхана созрел план основать свое господство в Европе завоеваниями по ту сторону Геллеспонта. Исполнение этого плана он поручил сыну своему Сулейману, который, будучи не один раз посылаем на помощь византийскому императору и хорошо ознакомившись с положением Фракии, лучше всех мог осуществить смелое намерение. «С Божией помощью и с благословением Орхана, говорил Сулейман, я надеюсь вырвать корону и скипетр из рук неверных». Посоветовавшись с высшими сановниками, Сулейман нашел, что прежде всего нужно занять какой-либо важный пункт по ту сторону Геллеспонта, откуда уже легко будет распространяться внутрь страны. По близости от Галлиполи находился небольшой замок Цимпи (ныне Джеменлик), на котором и остановился выбор Сулеймана. Османские вожди Аджебег и Газивасиль в ту же ночь со всеми предосторожностями пустились в легком судне через Геллеспонт, чтобы собрать точные сведения о положении крепости и состоянии гарнизона в ней. Около самой крепости они наткнулись в винограднике на одного грека, которого взяли с собой и представили Сулейману. Пленный грек дал удовлетворительные показания, что замок плохо защищен, доступ к нему не труден, и что он сам берется провести

6

османов к укреплению. Не имея достаточно судов, Сулейман приказал наскоро сколотить два плота, на которые поместил 80 человек, и в

следующую же ночь переправил их в Европу. К утру турки овладели замком. В течение трех последующих ночей Сулейман перевез сюда до 3,000 человек. Посаженный в Цимпи турецкий гарнизон, начал делать набеги на окрестные селения, горсть турок подступила к Галлиполи, греческий начальник крепости Калогюл не мог отстоять ее и сдал туркам. Сулейман оценил значение этого пункта, немедленно занялся укреплением его и перевез в него новые силы из Азии. Так как здесь предполагалось основать первую турецкую колонию, то приглашены были в Галлиполи турецкие поселенцы, которым обещаны почести и богатства. Местное греческое население частью переведено было в Малую Азию, частью разбежалось. Завоеванием Галлиполи положено было прочное основание турецкому господству в Европе.

Если бы нужно было задаваться объяснением причин, обусловливавших успехи турок на Балканском полуострове XIV века, то я мог бы иллюстрировать свою мысль указанием на состояние полуострова в нынешнее время. Три государства—греческое, сербское и болгарское — каждое видело в турках хорошего союзника против ненавистного соседа. Если бы я имел в виду излагать историю вопроса, то должен бы был установить, что с первых же шагов в Европе турки начали пользоваться силами местных населений, что в войсках турецких на реке Марине и на Кассовом поле (1371 и 1389 годы) против славянских патриотов Вукашпна, Шишимана и Лазаря бились славянские же князья со своими дружинами, изменившие христианскому делу, что западная Европа очень поздно догадалась об угрожающей от турок опасности. Наконец, мне бы следовало, вместе, впрочем, со всей Европой XV века, признать, что военные дела при Никополе и Варне потому не были роковыми для турок, что христианскому делу помешали морские державы Венеция и Генуя, и что многократные попытки составить лигу против турок потому не имели успеха, что многие европейские государства считали для себя полезным турецкое господство в Европе. Словом, мне настояла бы необходимость перенестись в западноевропейскую поли-

7

тику и международные отношения и покапать, что по тем же причинам не справились с турками греки и славяне, по которым не могли обуздать их и народы западной Европы. Но обо всем этом можно прочесть в подробных сочинениях, посвященных истории турок в Европе.

Сами турецкие властители очень хорошо понимали, на чем основывается их сила в Европе, и было бы большой ошибкой предполагать, будто они удерживали за собой власть огнем и мечем. Турки обеспечивали за сельским населением те же права, какими оно пользовалась до турецкого завоевания, в особенности турки нашли себе помощников в лице греческих и славянских вельмож, изменивших вере и народности. Многие из наших соотечественников в минувшую войну убедились, что сельское население к Болгарии трудолюбиво, привязано к своему клочку земли, не обременено податями и довольно зажиточно. Нельзя думать, что так жило только последнее поколение.. Со времени первых завоеваний в Европе политика султанов по отношению к иноверным населением была определенная: они не желали истреблять их, а хотели владеть ими и пользоваться от них доходами. Для ознакомления с политикой султанов я предполагаю остановиться на некоторых чертах завоевания Константинополя.

Не многие факты в европейской истории могут сравниться с падением Константинополя. Напрашивается на сравнение завоевание Рима готами. Но завоеватели столицы западной римской империи скоро усвоили римскую культуру, смешались с туземцами и перенесли на себя политические задачи императоров римских. Не то было с завоеванием Константинополя турками. Утвердившись в столице восточной империи, турки неослабно продолжали преследовать свои национальные интересы и задачи. Они не благоговели, как готы, перед титулом императора, напротив с высокомерием и презрением относились к европейским государствам, угрожая двинуться из Константинополя на Вену и Рим. Турки изменили политический строй Европы на целые столетия; турецкий султан, овладев Константинополем, стал могущественнейшим между государями Европы.

Самый любопытный, хотя и печальный факт в завоевании Константинополя представляет то обстоятельство, что

империя не имела людей для защиты последнего оплота греческой национальности. В городе, бесспорно нервом по населению во всей тогдашней Европе, нашлось не больше десяти тысяч защитников, тогда как населения в нем было по меньшей мере 100 тысяч. Когда уже началась осада, все надежды царя Константина Палеолога сосредоточивались на

ожидаемой помощи из Европы, куда он трижды отправлял посольства. Между тем в Пелопонесе были дна его брата, остававшиеся холодными зрителями предсмертной агонии Византии. Из западной Европы отвечали обещаниями, как будто можно было ждать, когда враги были уже под стенами города. Наконец прибыл кардинал Исидор, бывший митрополит России, с поручением от папы присоединить греков к латинству. Враги били стены, окружив город со всех сторон, а в Константинополе на улицах и площадях тысячная толпа вела жаркие споры и толки о преимуществах греческой веры перед латинской. Горсть защитников выбивалась из сил, защищая стены, а праздная толпа наблюдала течение звезд и старалась вычитать в старых книгах разгадку судьбы отечества. Выходило, что будет знамение, и город спасется чудом. Одна только светлая личность и выдается во всей истории защиты—это сам царь Константин, который благоразумно воспользовался наличными средствами и до конца довел свое трудное дело. Известно, что царь был убит при последнем штурме 2!) мая 1453 года. В истории завоевания Константинополя для меня имеет значение лишь заключительный момент—распоряжения Магомета II после взятия города и трехдневного грабежа его, сопровождавшегося убийством 4 тысяч и пленением 50 или 60 тысяч.

На четвертый день Магомет вступил в Константинополь и приказал совершить своим имамам благодарственное молебствие в храме святой Софии. С тех пор св. София обращена была в мечеть. С этим вместе прекращены были грабежи войска и приступлено к организации гражданского быта в новой столице. Меры приняты были очень разумные и практические. Думая основаться на всегда в Константинополе, городе христианском и населенном чуждою народностью, султан решился предоставить грекам вероисповедные и гражданские права. Между греками была сильная

9

партия, которая предпочитала турецкую чалму римской тиаре; во главе ее стояли лучшие силы нации, черное и белое духовенство и образованные патриоты, например, историк Франца. Магомет II идет на встречу желаниям этой партии, поддерживая ее надежды на спасение греческой национальности. Между всеми народами, приходившими в соприкосновение с исламом, не было более верного национальным традициям народа, чем греки. Вследствие своей многовековой и высокой культуры греки всегда давали сильный отпор чужеземным притязаниям; на

их народную и религиозную старину не посягнули даже римляне. Несомненно, Магомет сознавал это, ибо выказал замечательный административный и политический такт в деле упрочения своего господства над греками. Уже в первых его распоряжениях по вступлении в Константинополь заметна мысль, что с греками нельзя поступать так же, как относились османы к другим народам. За греками нужно было оставить не\прикосновенность веры и церкви, чем упрощалась задача господства над греческим народом посредством духовных властей. Этим достигалось также и то, что христианская Европа могла не сильно тревожиться переходом Константинополя под власть турок. Эти соображения диктовали тот указ, которым разбежавшиеся или скрывшиеся жители приглашаемы были возвратиться к своим домам, причем им обещано было сохранение свободы и собственности и неприкосновенности веры. Затем сделано было предложение избрать по уставам церковным патриарха собором местного духовенства при участии клира и народа. В патриархи был избран крупный представитель национальной партии и деятель в народном духе, известный Геннадий. Султан обеспечил за цареградским патриархом высокие права и преимущества: право устроить церковь по каноническим правилам, без вмешательства Порты во внутренние дела церковной администрации. Патриарх облечен и гражданской властью, его суду подлежали некоторые гражданские дела, возникающие между исповедниками греческой веры. Султану принадлежало только право утверждения патриарха, или, что называется, право инвеституры. Наконец, все будущие патриархи, равно как епископы и их преемники, освобождены от податей и налогов.

10

Желая показать греческому населению характер отношений своих к главе православной церкви, султан пригласил к себе патриарха Геннадия и принял его с величайшим почетом; высшие турецкие сановники сопровождали и встречали патриарха, как царственную особу. Султан разговаривал с ним о делах церкви, обласкал и одарил его. Нельзя не признать, что подобные отношения к патриарху свидетельствуют о большом политическом такте султана: этим он умиротворил и успокоил взволнованные умы.

Константинополь был международный город, в нем жили десятки тысяч иностранцев. Весьма разумны мероприятия Магомета и по отношению к этой части населения. В то время, как турки грабили город,

генуэзцы и венецианцы обратились к султану с просьбой о помиловании для населяемых ими кварталов. Саган-паша дал им охранную грамоту следующего содержания. «Город Пера не подвергается разграблению, жители его остаются в спокойном владении своим имуществом: донами и магазинами, товарами и кораблями, виноградниками и проч. Жены их не подвергаются насилию, дети не зачисляются в корпус янычар. В церквях их будет продолжаться христианское богослужение, только новых церквей не будут строить. Предоставляется им право беспошлинной торговли на суше и на море во всех турецких владениях. Торговые дела они решают посредством выборных из своего общества лиц».

На пятый день по завоевании города, султан сам посетил Перу. Произведена была перепись населения. Так как многие дома оказались запертыми и лишенными жителей, султан приказал переписать покинутое имущество и назначил трехмесячный срок, в который разбежавшееся население должно было возвратиться к месту жительства и вступить во владение имуществом, в противном случае терялось право собственности. Чтобы иностранная колония, в случае восстания, не могла опираться на помощь западноевропейского флота, Пера лишена укреплений и стены ее были срыты. Положение иностранной колонии в Константинополе, таким образом, почти не изменилось: ничего нельзя было желать лучшего торговым людям. Правда, впоследствии

11

турки пытались ограничить право самосуда, но иностранцы откупались от этих притязаний деньгами.

Итак, турки поступили в высшей степени умеренно с городом, взятым приступом. Их требования по отношению к побежденным должны быть признаны самыми скромными. Много греков, правда, разбежалось в Италию, Францию и Россию, но пережившие разгром и оставшиеся на месте не имели основания жаловаться на бесчеловечие. Я должен признать, что турки в 1453 году поступили с большею мягкостью и гуманностью, чем крестоносцы, взявшие Константинополь в 1204 году. Последние уж подлинно не давали пощады ни божескому, ни человеческому.

II.

Перенесемся теперь в Россию XV века и попытаемся ответить на следующие вопросы. Можно-ли уловить в русском общественном сознании следы понимания совершившегося факта—завоевания Константинополя турками? Можно-ли подметить у русских общественных деятелей сознание той мысли, что восточный вопрос есть вопрос русской политики, и именно потому, что в XV веке Россия была единственной силой, которая могла принять на себя осуществление задач восточноевропейской политики? Наконец, нельзя ли указать по связи с восточным вопросом признаков национального самосознания в русском обществе и определения роли России в дальнейших судьбах восточного вопроса?— Легко могу предполагать, что эти вопросы покажутся странными. Разве можно серьезно говорить о русском национальном самосознании к XV веку? скажет читатель.

Я не буду утверждать, что мы правильно, последовательно и умело выполняли свою роль по отношению к восточному вопросу. Вообще мы очень медленно приходим к твердой решимости и долго соображаем, прежде чем приступим к осуществлению замысла. Известная доля косности, неподвижности и нерешительности должна быть отнесена к исконным чертам русского характера, которые очень рельефно документируются и в нашей внешней истории. Известные слова поэта: «и думает свою он крепку думу без

12

шуму» находят себе применение во многих явлениях внутренней и внешней истории России, как выражение сознательной и долго сдерживаемой силы. И относительно восточного вопроса мы делали много ненужных остановок, скачков в сторону. Очень редко наша политика направляема была здесь сознанием одной идеи и руководилась осуществлением строго обдуманых планов. Чаще всего мы исполняли предпринятую задачу лишь на половину и ставили себя в необходимость снова к ней возвращаться. Где другой шел бы напролом, мы останавливались на полдороге, соображая требования совести. Мы внесли в восточный вопрос политику сердца на место политики холодного расчета. Кто не понимает, что наши отношения к Балканскому полуострову могли быть бесповоротно определены еще при Екатерине Великой? Кто не знает, что при Императоре Николае I не раз складывались те же отношения не менее для нас благоприятно? Наконец, разве хоть один европейский государь мог сделать что-нибудь подобное тому, что сделал

император Александр II по отношению к Болгарии? Между тем мы рукоплещем политике сердца, нам она понятна и симпатична, и конечно потому, что в ней также документируется национальная черта. Русское народное чувство понимает подвиг без соображения выгод, во имя одной высокой идеи.—Мне кажется, что русские в XV веке поняли идею восточного вопроса и согласно с тем определили свои отношения к восточному вопросу..

Было бы излишне доказывать, что наши предки с самых отдаленных времен не только живо интересовались событиями в юго-восточной Европе, но и имели средства получать хорошие сведения о том, что происходило у соседей. Это легко объясняется между прочим тем, что с юго-восточной Европой у нас были постоянные сношения по делам церковным, не говоря уже об издавна существующих родственных и религиозных связях с Византией. Сношения с Константинополем поддерживались и благочестивым чувством русского народа, разумею не безыменную массу паломников, но образованных и наблюдательных путешественников, которые ходили в Царьград с целью изучения тамошних порядков и оставили замечательные, можно сказать, образцовые описания Константинополя. Независимо от того, из

13

славянских стран Сербии и Болгарии был постоянный приток людей, то назначаемых на церковные места, то добровольно приходивших к нам с предложениями книг духовного или светского содержания. Постигшие греков и славян бедствия от турок доведены были до сведения русского общества очень скоро не путем, конечно, дипломатических сношений, а самими пострадавшими от турецкого погрома, которые обратились в Москву с жалобами и просьбами о помощи. Уже в самый год взятия Константинополя митрополит Иона составляет окружное послание, рекомендуя православным оказать помощь некоему несчастному греку Дмитрию. В наши летописи могли поэтому попадать весьма обстоятельные заметки об успехах турецкого оружия ига Балканском полуострове. Весьма живой рассказ о завоевании Константинополя или известная повесть о Цареграде принадлежит несомненно очевидцу, который сам пережил, в Константинополе грозные дни турецкой осады. Давая соотечественникам подробный отчет, о виденном, автор повести вставляет в рассказ, свои личные замечания, высказывает политические и нравственные идеалы, которые имеют большой интерес для характеристики общественной

мысли. Падение Цареграда вызвало далее в русском сознании весьма любопытное движение, выразившееся на целом, ряде литературных произведений, которые имеют целью, с одной стороны, дать отчет о переживаемых событиях, с другой—обосновать поведение мыслящего человека по отношению к нарождающемуся для Руси восточному вопросу. Чуть-ли не в первый раз историк с удивлением, наблюдает здесь то, что называется общественным сознанием. Обнаруживаются попытки формулировать национальные идеалы, выразить на общедоступной форме политические взгляды и выяснить противоположность своего к чужому, русского к нерусскому. Ни на минуту нельзя колебаться, как назвать это движение: своим или навеянным извне. Если бы это движение исходило от греков, сербов или болгар, оно не выразилось бы в тех формах, о которых сейчас будем говорить.

В народном творчестве, которое развивается независимо от правительственных и научных теорий, Константино-

14

ноль вечно пребывает под православным царем Константином Боголюбовцем. Народному богатырю Илье Муромцу и его товарищам всегда открыта туда дорога: «в гуне сорочинской и в шляпе земли греческой» Илья посещает Константинополь, как и многие русские, в качестве паломника. Поприще деятельности богатырей—Киев и Цареград (былины об идолище и о семи богатырях), когда ему угрожает опасность. Но пока жив старый казак Илья Муромец, нечего бояться и Цареграду. Раз повстречался Илья с могучим Иванищем и спрашивает его: «Да все ли у вас во Цариграде по старому?» Тот отвечает: «Ужь ты свет-государь, Илья Муромец! Да у нас во Цариграде не по старому, не по старому, не по прежнему, овладело де поганое Издолище, да в церквах образа все исприколоты, и золотая де казна запечатана, да и царь Константин Боголюбович да и со своей княгинеею во стольниках!» Илья идет в Константинополь: «да ударил поганого Издолища, да отшиб у поганого голову» и потом обращается к царю: «Ужь ты царь Константин Боголюбович! Живи-ко ты во Цариграде по старому, да моли-ко Бога за Илью за Муромца, он на славу приходил в славный Царь-от град!» Отметим любопытную черту в былинах по отношению к Цареграду. Они рисуют те отношения Руси к Византии, которые установились после просвещения Руси христианством, когда положен был предел завоевательным походам на юго-восток.

Литературные произведения, дающие материал к характеристике движения, вызванного падением Цареграда, весьма разнообразны по своему содержанию и направлению.

Прежде всего обращают на себя внимание известия русской летописи (главнейше Никоновской и Воскресенской). Автор обширного сказания о взятии Цареграда есть очень важный летописец, если даже поставить его рядом с греческими и латинскими источниками, касающимися завоевания Константинополя. Теперь уже можно утвердительно говорить, что это сказание не есть перевод с какого-либо греческого описания, а есть оригинальный русский рассказ. Он составлен очевидцем, который сам переживал страшный период осады Константинополя, всей душой сочувствовал единоверным грекам и глубоко скорбел по слу-

15

чаю успехов Магомета II. В наших глазах особенно возвышает автора то, что он оказывается хорошо знакомым с европейской политикой. Так он понимал всю неискренность западноевропейских держав, которые до последнего момента давали грекам обещания, а на самом деле не предприняли ничего серьезного для освобождения Константинополя от осады. «Латиняне, говорит он, не хотели оказать помощи, и думали в себе: пускай турки возьмут город, у них нам легче будет отнять его». В сказании мы находим очень подробное описание осады, состояния города, который погибал оттого, что «людского собрания не бе в граде и братьим царевым не сущим ту». В особенности важны черты, обличающие в авторе очевидца и наблюдателя. Таково, например, следующее место: «От шума, от пушечного боя и пищального стуку и звуку звонкого и от гласов воплей и от трескоты ружей не бе слышати друг друга что глаголют». Или еще: «От множества огня и стрелянья пушек и пищалей—дымное куренье сгустився покры град и войско все, яко не видети друг друга с кем ся бьет; и с зольного духу многим умрети». Чего автор сам не видал, о том сообщает слухи: «от иных же тако слышахом».

В нашу летопись вошли не только известия о завоевании Цареграда, составленные очевидцем, но в ней можно находить достаточно материала для заключений о том, как вообще книжные русские люди отнеслись к этому событию, как они судили о нем и какие уроки извлекли в поучение современникам. Я останавливался ранее на характеристике политики

Магомета II по завоевании Константинополя. Припомним, что эту политику нельзя иначе квалифицировать как очень гуманной и в высшей степени благоразумной. Во всех описаниях константинопольского погрома, как греческих, так и итальянских, можно встречать двоякую оценку события: или, с точки зрения религиозной и национальной исключительности, писатели громят турок уккоризнами и упрекают их в беспощадности и ненужных кровопролитиях, или, более обращая внимание на политическую сторону события, примиряются с совершившимся фактом и видят некоторый просвет в гуманной политике Магомета. В русской летописи можно находить обе

16

эти струи, но что в особенности поражает наблюдателя— это оригинальность воззрений в той части сказаний, которая может быть названа сочувственной Магомету (Никоновская летопись, т. V, стр. 231 — 277). Падение Цареграда послужило для составителя канвой, по которой он вышивает весьма оригинальные узоры своих политических и общественных идеалов. Нет сомнения, автор бросает тут упреки частью и тому обществу, среди которого он живет, задевая стороной и русский монашеский чин, и боярство. Но вообще он старается разъяснить законность и историческую необходимость падения Константинополя, причину чего указывает в гневе Божиим за грехи монашеского сословия, а главное за грехи бояр. «Они из-за лихоимства и нечистого собрания от слез и от крови христианской захотели разбогатеть, продавали праведный суд и осуждали невинного, получив взятку. Увидев же, что царь Константин хочет обратить должное внимание на правительственные дела, они подумали: а нам, пожалуй, будет плохо и начали его опутывать лукавством и кознями и мудрость его укротили и ересью своею ухитрили.

Наслаждаясь неправедно приобретенными богатствами, они обленились, тяготились в смертную игру играть и выдали неверным на поругание царство и веру христианскую, впали в ересь и вт. крестном целовании греха не ставили. Царь Константин вельможам своим волю дал и сердце их веселил, они же о том радовались и нечисто свое богатство сбирали, а земля и царство пропало и в бедах купалось, и за то Бог разгневался на царя Константина и на вельмож его и на все царство греческое. В котором царстве люди порабощены и в том царстве люди не храбры и к бою против недруга не смелы, ибо раб срама не боится и чести себе не добывает, а думает так: хотя богатырь или небогатырь, но я холоп

государев и к силе имени не прибужет. А в царстве Константинове у вельмож его все лучшие люди были в неволе—и красиво было смотреть на полки его вельмож, да только они против недруга крепкого бою не держались, смертною игрой не играли и с бою утекали». Не видите ли здесь беспощадной критики того положения, которое замечено и другими писателями, что в городе с сотней тысяч населения нашлось не больше де-

17

сяти тысяч готовых пролить кровь за отечество. Разбирая недостатки правительственной системы греков, наш автор везде выставляет Магомета II как такого государя, который при организации государства счастливо избежала, ошибок греческой системы. Если бы заключает автор, к той вере христианской, т. е. греческой, придать турецкую правду, то с таким народом беседовали бы ангелы, и если бы к той турецкой правде да приложить веру христианскую - и с турками бы беседовали ангелы.

Я привел эти выдержки из летописей, чтобы показать, что в XV веке русские не только интересовались событиями восточной Европы, но и понимали их очень здраво.

Но может быть скажут, что безыменное свидетельство, занесенное в летопись, еще не может служить доказательством того положения, что в русском обществе было распространено понимание политических событий.

Я могу раздвинуть поле зрения и указать еще более любопытные факты на основании других материалов. Летописные известия о завоевании Цареграда проникнуты, вместе с сочувствием к поработленным турками единоверцам, высоким национальным самосознанием. Это чувство национального подъема коренится в самом факте турецких успехов над всеми христианами восточной Европы. Не осталось более свободного христианского парода, рассуждали русские, все верное восточному православию должно обратить взоры к Москве. Только чрез русских поработленные турками христиане могут ожидать избавления. Сознание религиозных и политических задач, перешедших с падением Константинополя на Москву есть, без сомнения, очень важный момент в развитии на Руси восточного вопроса. К счастью, и эта сторона засвидетельствована в русской письменности.

Иллюстрацией могут служить многочисленные памятники мистического содержания. У греков распространен был цикл сказаний, имеющих отношение к будущим судьбам империи. Эти сказания сохранились в виде загадок, ямбических стихов, видений благочестивых мужей и разного рода предсказаний. Они пользовались значительным доверием, переписывались и тщательно хранились не только частными лицами, но и правительством. В трудные годы

18

было в обычае обращаться к ним за советами и указаниями. Константинопольская чернь до самого последнего дня осады города ждала обещанного свыше чуда освобождения. Известны предсказания Льва Мудрого, патриархов Мефодия и Геннадия и наконец Сивиллины книги пророчеств. Основной мотив всех подобных сказаний один и тот же: Византию посетят бедствия от внешнего врага, но она будет спасена чудесно, посланным свыше царем. Не было недостатка в попытках приурочить темные факты и неопределенные намеки к определенным эпохам и историческим лицам, вследствие чего разрастался основной цикл, унося в позднейшие эпохи более или менее значительные наросты из пережитых фактов и отношений. Так, в X в. пророчества применялись то к арабам, то к славянам, в XII в. к норманнам и крестоносцам, в XIV и XV в. к туркам. Развитие этого мистического творчества остановилось лишь после завоевания Константинополя турками— последний момент, к которому приурочена большая часть сохранившихся предсказаний. Эти предсказания хранились между прочим в царской библиотеке, и цари нередко сообразовались с ними в своих действиях. Греческие писатели и поэты оставили довольно подробное описание означенных пророческих сборников, равно как символических фигур и знаков, которыми они были украшены. Нет сомнения, что предсказания не оставались в течение средних веков в одной, раз сложившейся, форме. И в самой легенде, и в сопутствующих ей иллюстрациях должна быть предполагаема некоторая подвижность и изменяемость, которая обеспечивала пророчествам удобоприменимость к разным эпохам, лицам и положениям. Большая часть этих предсказаний хранится в библиотеках: ватиканской, парижской, палермской и венецианской, некоторые, однако уже изданы.

Так как русские интересовались Константинополем и заимствовали оттуда литературные произведения, то конечно и памятники мистического содержания стали известны на Руси довольно рано. Во всяком случае

знакомство с ними было раньше половины XV века, ибо в летописных известиях о взятии Цареграда встречаемся уже с пророчествами о судьбах империи и с русскими на них толкованиями.

19

Плоды византийской метафизики и мистики распространялись у нас и в частных сборниках, каковы: «Цветник», «Лебедь», «Книга Льва царя премудраго» и принимались в официальные памятники, например в Степенную книгу. Это были не всегда переводы с греческого, но и вольные толкования оригинала.

У нас особенно пришлись по вкусу пророчества Льва Мудрого и Мефодия, а также истолкованная патриархом Геннадием символическая надпись на гробнице Константина Великого. В пророчестве Льва говорится, что турки не долго будут владеть Цареградом, ибо явится некий народ ξανθὸν γένος, который победит измаильтян и овладеет Седмихолмием. Русским книжникам полюбился этот извод, ибо в нем находило удовлетворение национальное чувство. В переводе на русский ξανθὸν γένος; значит «русый народ»—разве не соблазнительно было русскому читателю увидеть здесь «русский народ»? Поэтому в летописи находим греческое сказание переделанным в смысле издавна предсказанной русским миссии—освободить Константинополь от турок. Но что это толкование не было слишком смелое и насильственное, а, напротив, совпадало с чаяниями всего православного мира, доказывается одним местом грузинской летописи, которое, по объяснению академика Броссе, также объясняет пророчество об избавлении Византии от власти турок в смысле русской миссии.— Пророчество Мефодия приписывает освобождение Константинополя какому-то доброму царю, который придет из влажной страны. В русских переделках к этому пророчеству приложено такое толкование: полуночный сей самодержец есть царь и великий князь московский; сей бусурманскую магометанскую скверную ересь и богопротивный закон истнит и потребит и погубит до конца. — В том же национальном смысле истолкована была русскими и надпись на гробнице Константина. Составители летописных сказаний, дав отчет о завоевании турками Константинополя. имели таким образом свои основания сейчас же успокоить читателя ссылкой на мистическую литературу. Обращаясь с угрозой к Магомету И, летописец имел за собой, так сказать, факты: если исполнились предсказания о судьбе Константинополя в других частях, то почему

же не исполниться и тем, по которым русскому царю суждено окончательно победить турок и воцариться в Константинополе.

Таким образом, в летописи и в памятниках мистической литературы мы видим уже две струи, которыми вливается в московское царство политическая идея восточного вопроса. Этим путем приходило в движение народное чувство, подготовлялось в русском обществе сознание задач по отношению к восточному вопросу. Русские грамотные люди стали задаваться мыслью разъяснить для себя и для других значение миссии, которая указывалась России императором Львом и патриархом Мефодием. Внешними стимулами в этой философской работе были внешние факты и для всех очевидные, ибо на лице земли остается один свободный православный народ»—русские. Сюда, в Москву, после падения Константинополя, бежали многие греки, здесь нашла приют и гонимая исламом православная церковь; не здесь-ли, итак, на будущее время должны решаться судьбы человечества?

Результаты подобной внутренней работы и тоже происходившей исключительно на русской почве сказались в блистательном развитии фикции о Москве—третьем Риме. И ныне, говорится в летописи, греки хвалятся царством благоверного даря русского от того взятыя Магометова и до сих лет.—Что это за похвала греческая русским царством?

Писатель, которому первому принадлежит честь ясно формулировать с русской точки зрения провиденциальную миссию России в восточном вопросе, несомненно был хорошо начитан в летописях и мистической литературе. Это был, однако, весьма скромный монах, живший в одном из псковских монастырей. «Человек я сельский, говорит он о себе, хотя и знаю грамоту, но еллинской науки не проходил, ораторских сочинений не читал и с мудрыми философами в беседе не бывал». Следовательно, это человек русской почвы, мы знаем только имя его— старец Филофей. В высшей степени любопытно—и это стоит особенно подчеркнуть—что русская религиозная и политическая миссия выражена была в первый раз в псковском монастыре, вскоре после присоединения Пскова к

Москве. Старец Филофей изложил свои воззрения в форме писем к великому князю Василию Ивановичу и дьяку Михаилу Григорьевичу. Как можно заметить из содержания этих писем, грамотных людей весьма занимала тогда мысль: как объяснить падение греческого царства, естественными или сверхъестественными причинами. Ответа на этот вопрос искали то в библейских книгах, то в хронографах, то в комбинации чисел от Адама и до XV века, наконец, в небесных знамениях. Псковский монах старается предостеречь современников от подобных расследований, ибо они не могут привести к решению трудных вопросов. Причина падения греческого царства, по мнению его, заключается в том, что греки изменили своей вере и перешли в латинство. Есть большая разница между отпадением от православия латинян и турецким порабощением православных греков. Первые добровольной изменой православию при императоре Карле и папе Формозе действительно ослабили вселенскую церковь; вторые же, завладев греческим царством, не повредили веры, не принимают насильственных мер к обращению греков и не уничтожили вселенской церкви. По существу дела даже нельзя и говорить о падении православного греческого царства. Оно только переместилось и продолжает существовать там, куда ныне перенесена вселенская церковь, где без перемены сохраняются апостольские предания и где блюстителем церковного чина является свободный царь. Ныне не может быть речи ни о римском царстве, ни о константинопольском. В Риме нет царя, и как столица вселенского христианства он перестал иметь значение еще с VIII века; второй или новый Рим, т. е. Константинополь после турецкого завоевания также не может считаться главой православия, ибо и в нем недостает преемства царской власти. В силу таких соображений, русский патриот последовательно приходит к постановке своей знаменитой фикции: третий Рим есть Москва, которую и развивает весьма остроумно. Хотя прежние христианские царства погибли, но вселенская церковь должна быть вечна. А как старые пророчества и предсказания прямо усвоят русскому народу освобождение Константинополя и господство в нем, то ясно, что нынешнее ромэйское царство есть российское царство,

в котором, как в фокусе, сосредоточились все христианские народы. Два Рима пали, третий, то есть Москва, во всей вселенной блистает как солнце, а четвертому Риму не бывать. — Нашедши для себя разрешение трудной задачи, русский книжник старается ознакомить других с своими выводами и сообщает их великому князю и приближенным к нему лицам. Правда, с новым званием Москва должна принять на себя и новые задачи, которые старцем Филофеем не затронуты; эти задачи будут потом выяснены другими грамотными людьми на основании новых материалов. Только в титуле великого князя Филофей намечает и политическую сторону своей фикции: «Православному христианскому царю и владыке всех, браздодержателю святых божиих престол святые вселенския и апостольския церкви, воссиявшей на место римской и константинопольской, державному царю снятой соборной и апостольской церкви третьего Рима, которая в концах вселенной паче солнца светится».

Прежде чем продолжать о дальнейшем развитии и разработке этой теории, замечу, что она всецело была воспринята московским правительством и обратилась, так сказать, в официальную формулу. Практическое применение ее можно наблюдать в XV и XVI веке. Официальное же ее значение доказывается в особенности тем, что она почти дословно внесена в акты, относящиеся к учреждению на Руси патриаршества и повторена почти буквально цареградским патриархом Иеремией.

Фикция о Москве — третьем Риме, получает для себя освещение в фактах всеобщей истории; в двух-трех словах попытаюсь наметить, сколько она выигрывает с общеисторической точки зрения. Европейские народы, основав государства на развалинах Римской империи, до тех пор чувствовали себя не на месте, пока не создали своей империи. Империя Карла Великого есть фикция, теоретически разработанная Алкуином и Эйнгардом. Франкский король и его ученые сотрудники понимали, что восстанавливать Римскую империю, при существовании таковой в Византии, нельзя, а между тем для осуществления политических задач Карла необходимо было обосновать права его на императорский титул. В официальных известиях того времени

выставлены следующие основания, которыми обусловлено право Карла Великого на императорский титул: вакантность трона, хотя на

престоле византийском сидела царица Ирина, фактическое обладание Римом, ибо императором должен быть тот, кто владеет Римом. Но как слабы были эти основания, видно из того, что Карл Великий и его преемники употребляли все усилия подкрепить свои права на новый титул родственными связями с византийскими царями. После Каролингов императорский титул усвают себе Оттоны. Наконец, входит в употребление фикция: Римский император германской нации. — Московская фикция должна быть рассматриваема в связи с указанными западноевропейскими и, по моему мнению, обставлена лучше их.

Московская теория не может быть рассматриваема как *prim desiderium* частного человека. Она воспринимается и разрабатывается в разнообразных направлениях и служит основанием для политических притязаний московского правительства; словом, она получила у нас государственно-правовое значение.

И прежде всего из московской теории сделано было остроумное применение к возвеличению царского достоинства. В Степенной книге появляется родословное дерево, берущее корни от Августа и доказывающее родственные связи между домом Рюриковичей и Юлиев. Затем стали искать и нашли другие основания сблизить русскую царскую власть с императорскою. Эти поиски в высшей степени любопытны и характерны для истории русского развития. Понадобились разные внешние формы, без которых прежде обходились; так усвоен был византийский герб с изображением двуглавого орла. Вспомнили старину, стали изучать ее и сделали важные открытия.

Между особенно древними и чтимыми предметами в княжеской сокровищнице оказались такие, о которых ходили темные предания о греческом их происхождении и которые по своему значению выделялись из других. В духовных грамотах князей, начиная с Ивана Калиты, с особым почетом упоминаются: золотая шапка, животворящий крест, хрещатая цепь, бармы и сердоликовая коробочка. Эти предметы обыкновенно не смешивались с другими и

передавались старшим сыновьям и наследникам престола. Для Москвы— третьего Рима, в которой должен быть свой царь, чувствовалась настоящая потребность выразить в вещественных знаках связь между

константинопольским и московским царством. Царские регалии греческой работы дали повод к другой фикции — о греческих регалиях, присланных Мономахом русскому великому князю. Сказание о венчании русских царей Мономаховскими регалиями (П. С. Р. Л. IX. 144) несомненно составлено в конце XV или в начале XVI века. В чине царского венчания Ивана Грозного бармы именуется уже Мономаховскими бармами. В духовной грамоте Грозного о знаменитой золотой шапке говорится в следующих выражениях: «Сына своего Ивана благословляю царством Русским, шапкою Мономаховскою, что прислал прародителю нашему царю и великому князю Владимиру царь Константин Мономах из Цареграда». Герберштейн упоминает о Мономаховских регалиях в 1407 году.

Такова-же политическая идея, диктовавшая не менее известное сказание о Новгородском белом клобуке. Хотя в этом сказании заявлено, что оно составлено русским толмачем Дмитрием в Риме в 1492 году, на основании материалов, найденных в папской библиотеке, но не может быть сомнения в ее домашнем происхождении, что сейчас увидим. Белый клобук, говорит легенда, дан был императором Константином римскому папе Сильвестру. Папы хотели истребить этот святой клобук, но напуганные грозным откровением, принуждены были отослать его в Константинополь. Здесь тоже эта святыня подвергалась опасности. Тогда святой папа Сильвестр и царь Константин явились ночью к цареградскому патриарху Филофею и посоветовали ему отправить святой клобук в Новгород к владыке Василию. Так перешла в Россию важная святыня. Любопытен мотив этого перенесения, также указанный в легенде: «Как от Рима отнята уже благодать, слава и честь, так она скоро отнимется и у Константинополя вследствие турецкого завоевания, и тогда вся святыня передана будет Богом в великую русскую землю». Уже из сказанного видно, что не нужно было ходить в Рим для составления такого произведения. Но наивность

25

в повести «О белом клобуке» идет гораздо дальше. Эта святыня, из Рима и Константинополя перешедшая в Новгород, оказывается украшенной шитыми изображениями русских святых Варлаама Хутынского (XII в.) и Сергия Радонежского (XIV в.). Далее легенда уверяет, что в первый раз белый клобук стал носить владыка Василий, живший в XIV веке, между тем на самом деле он был в употреблении у новгородских архиепископов еще в XII веке.

«Сказание о белом клобуке» есть весьма любопытная иллюстрация к рассмотренной выше теории старца Филофея. Как первое, так и последняя направлены к обоснованию преемственности царской и епископской власти между Москвой и Римом. В конце XV века нужно было выразить символически созревшую уже идею о Москве—третьем Риме. Если в Московском царстве сосредоточилась вселенская церковь, то надо было доказать и продолжающуюся в ней преемственность в атрибутах светской и духовной власти. Это выражено в повести о белом клобуке: «в древния бо лета изволением земного царя Константина от царствующаго сего града царский венец дан бысть русскому царю; белый-же сей клобук изволением небесного царя Христа ныне дан архиепископу великого Новгорода». Должно признать, что русские в конце XV века ничем не хуже обставили свои исторические притязания, чем римляне, когда они создавали свои этиологические мифы, или германцы, когда они обставляли теорию перенесения императорского титула на своих королей.

III.

Рассмотренными теоретическими построениями не исчерпывается вопрос о зарождении на Руси восточного вопроса. Понятно, что не одно и то же сознавать политическую идею и принимать меры к ее осуществлению. Практически идею восточного вопроса должна была выразиться в стремлении освободить христианские народности от турецкого ига. Мысль, что Россия обязана принять на себя эту задачу, появляется весьма рано, хотя разработка ее шла медленно. Здесь я предпочитаю остановиться на знаменитой теории констан-

26

тинопольского наследства, которая исходит из права московских царей на византийскую империю, как на свою вотчину.

Фактическая подкладка этой тенденции основывается на родственных отношениях между императорской семьей Палеологов и русским государем Иваном III.

Семья Палеологов, последних византийских царей, после падения Константинополя, состояла из двух братьев—Дмитрия и Фомы, которые были, так сказать, удельными князьями в Пелопонессе. Султан, не мог, конечно, оставить в покое братьев царя Константина XII, погибшего при

защите столицы. В 1460 году Дмитрий попался в плен и отведен в Константинополь, где ему назначили пенсию, а дочь его взяли в гарем к султану. Живых детей после него не осталось, когда он умер в Адрианополе в 1470 году, приняв, монашеское имя Давида.

Другой брат, Фома, тоже не находя возможности держаться в Морее, где было его княжение, предпочел бежать под защиту венецианской республики на остров Корфу. Султан обещал и ему пенсион, если он откажется от притязаний на независимое господство, но Фома надеялся на лучшие обстоятельства, в чем его поддерживали и греческие патриоты, нашедшие приют в Италии и Франции. Скоро он получил предложение побывать в Риме, где имел весьма влиятельного ходатая по своим делам в лице кардинала Виссариона. Фома принес, папе Пию II в дар ценный подарок-главу апостола Андрея и встретил, в Риме почетный прием. Ближайший вопрос для бывшего морейского деспота и наследника византийского царства заключался в том, чтобы изыскать средства для себя и семьи, которая оставлена была в Корфу. Римская курия назначила ему в ежегодное содержание 3,000 дукатов, коллегия кардиналов, присоединила к этому 2,400 дукатов и наконец Венеция 500, всего таким образом 5,500 дукатов, т. е. около 20 тысяч рублей. Но Фома явился в Рим претендентом на императорский титул, а потому желал жить роскошно, и милостыней папы и кардиналов, остался недоволен, как можно заключить из жалобы его доверенного лица, историка Франца, который рассматривает эту пенсию как очень неважную сумму, едва достаточную на

27

удовлетворение самых необходимых потребностей. Фома пробыл в Риме около четырех лет, деятельно хлопотал и в Риме и Венеции о восстановлении своих прав на царский престол, с последнею заключил даже на сей случай договор. Но он умер 12-го августа 1462 года, не дождавшись вмешательства Венеции; несколькими месяцами раньше умерла и жена его.

Семейство деспота Фомы, на которое теперь перешли притязания Палеологов, состояло из двух сыновей его, Андрея и Мануила, и двух дочерей Елены и Зои. Первая умерла в 1474 году, вторая-же вместе с братьями воспитывалась на счет папы, который предоставил детям Фомы Палеолога ежемесячный пенсион, в 1,000 рублей. Нас интересует собственно судьба двух лиц из этой семьи, Андрея и Зои, потому что

Мануил скоро бежал в Константинополь, где ему пожалован был гарем и приличное содержание и где от него пошла ветвь Палеологов, перешедших в мусульманство.

Андрей и Зоя воспитывались по плану, начертанному кардиналом Виссарионом и сохранившемся до настоящего времени. Царевичи имели двор из родовитого дворянства; при них находился медик, учитель грек, учитель итальянец, один или два латинских священника. Говоря о латинских священниках, Виссарион делает оговорку, что деспот Фома просил воспитать его детей в лоне латинской церкви. Царевна Зоя сосватана была за одного знатного венецианца из рода Caraccioli, а Андрей вышел довольно беспутным человеком, женился на служанке, но детей от нее не имел. Таковы греческие и латинские известия о последних Палеологах. Они пополняются данными, почерпаемыми из Русской летописи. С 1469 года начинается пересылка посольствами между Римом и Москвой, следствием чего был брак Ивана III с греческой царевной Зоей или Софьей по нашей летописи, племянницей последнего византийского царя.

В истории этого брака многое остается до сих пор темным. Несомненно, что мысль пристроить греческую царевну в Москве пришла кардиналу Виссариону, но в его сочинениях нет об этом ни единого намека. Странно между прочим и то, что сваты уверяли, будто царевна отказала

28

в своей руке королю французскому и герцогу миланскому, потому что не хочет быть в латинстве, а между тем указывается, что она уже была в замужестве за Caracciolo, да и воспитана была в латинской вере. Наводят на большие сомнения и другие обстоятельства, рассказанные в нашей летописи. Не странно-ли, например, что главным доверенным лицом царя Ивана, которое послано было в Рим посмотреть невесту и которое принесло ее портрет, оказалось католиком, жившим некоторое время в Москве, втершимся в расположение великого князя и для вида принявшим православие. Это был некий проходимец Иван Фрязин, очевидно человек без имени, ибо фрязин просто означает иностранца латинского происхождения. Не совсем разъяснено и то обстоятельство, что Фрязин, по возвращении в Москву с Софьей, был посажен в оковы. Все эти сомнения могут быть, по всей вероятности, разъяснены посредством тщательного

пересмотра Московского архива иностранных дел и поисков в Ватиканской библиотеке. Брак с Софьей Палеолог во всяком случае служит обоснованием теории Константинопольского наследства. Я имею здесь в виду не то, что, в силу этого брака, Иван III мог себя считать наследником престола византийских царей, а нечто более реальное, именно акт передачи титула и прав на Византию со стороны действительного наследника престола Андрея Палеолога. Из того, что известно об этом царевиче, можно судить, почему он оттолкнул от себя папу и своих доброжелателей в Италии. Андрей был скорее искатель приключений, чем политический деятель, способный с достоинством и тактом взяться за дело. Породнившись с московским великим князем, он, конечно, мог бы переселиться в Россию, по примеру своих соотечественников: Палеологов, Ралли, Ласкарисов и Траханиотов, которые вступили в ряды русских бояр. Но любопытно, что он не приехал или, лучше, его не отпустили из Рима на свадьбу своей сестры. Потом два раза он приезжал (в 1480) и 1490 г.), но гостил в Москве не по долгу. Известия об нем в нашей летописи очень кратки и сухи; мимоходом раз замечено, что на него много потратило казны великого князя царица Софья (П. С. Р. Л. VI стр. 235).

29

Что русские не очень охотно говорят о семье Палеологов, это объясняется известной в Москве ролью царицы Софьи и личными качествами Андрея. Но важнее всего здесь то мистическое и литературное движение, о котором было говорено выше. Живой наследник титула византийских царей, претендующий на возвращение себе империи, был в Москве не к месту, самая его личность красноречиво протестовала против того литературного движения, в котором выразился подъем русского национального чувства. С Андреем в Москве могли вступить в переговоры об его делах, но мы знаем, что подобные переговоры велись московскими дипломатами очень осторожно—намекami и окольными путями. Образец московской дипломатии представляют переговоры об учреждении патриаршества, в которых все направлено было к тому, чтобы ничего не запрашивать и ничего не открывать, а только выведывать мысли нужного лица и по ним соображать дальнейшие ходы. Другая черта этих переговоров—высочайшая тайна: предложения бояр патриарху Иеремии не вносились, например, в акты. Еще большая осторожность и топкость должна была соблюдаться в переговорах с Андреем, из которых до сих пор ничего еще не открыто? Андрей мог уступить свои права на империю

Ивану III, но за это он требовал значительного вознаграждения, которое не соответствовало важности уступаемого нрава. Пока не найдется в русских архивах материалов для выяснения этой стороны дела, мы должны удовлетвориться догадками и указанием оснований, которые ввели нас к высказанным выше соображениям. Идея о Константинопольском наследстве впервые высказана не в русских памятниках, а, так сказать, подсказана нам из Рима в начале XVI в. В Риме, конечно, имели основание приписывать русским князьям притязания на Константинопольскую вотчину, о которых сами русские князья, по крайней мере, в подобной форме не заявляли еще, ибо легко понять, что с теорией о Константинопольской вотчине соединяется идея прав на обладание землями Византийской короны. Так далеко русские не шли в начале XVI века. Они выработают формулу и для этого права, но несколько позже. В Риме, высказывая теорию о наследии русскими князьями Константно-

30

поля, могли отправляться от известных тогда в папских архивах и до-ныне сохранившихся нескольких актов передачи или продажи Андреем Палеологом своих царских прав с титулом и землями византийской короны.

Приведем один из любопытных актов, тем более что он напечатан был более ста лет назад и теперь почти забыт. Это есть условие, заключенное между Андреем Палеологом и французским королем Карлом VIII, сторону которого представлял кардинал Раймонд. Содержание его следующее.

В субботу 6 сентября 1494 года, после божественной службы в церкви святого Петра inMontorio, кардинал Раймонд и светлейший Андрей Палеолог, деспот Романы, став на месте, где блаженный клир апостолов принял венец мученичества, в присутствии свидетелей и нотариусов составили сей акт. Деспот Романии сказал, что по смерти Константина Палеолога, его дяди, умершего бездетным, он остался единственным наследником византийской империи. Но будучи изгнан из своего отечества уже 30 лет, лишенный своего деспотства Мореи, оставленный всеми христианскими князьями, которых напрасно умолял о помощи, он признает себя бессильным к осуществлению своих законных притязаний и потерял надежду увидеть когда-либо освобожденным свое отечество. Но теперь, узнав по дошедшим слухам, что христианнейший и непобедимый

король франков соглашается принять оружие для освобождения христианства, он решился употребить все зависящие от него средства, чтобы оказать содействие этому предприятию. Самым лучшим к тому средством он находит следующее: уступить свои права на императорскую константинопольскую корону Карлу, как государю, который всех способнее осуществить таковые. Посему, руководясь своим свободным желанием и волей и находясь в полном и совершенном сознании, он уступает и безвозвратно переносит на христианнейшего короля франков и его законных наследников все права, какие он имеет и можете иметь на империю константинопольскую и трапезунтскую, на деспотство Сербию и на все владения, герцогства и графства, зависимые от названной империи, со всеми титулами, инсигниями привилегиями и прерогативами, с ними соединен-

31

ными.—Следует подпись нотариев и свидетелей. Кардинал Раймонд, заступающий место короля, давал следующие обязательства. Со времени утверждения королем этого акта деспоту Андрею уплачиваема будет пожизненная пенсия в 4,300 дукатов. Кроме того, в распоряжение деспота дается сотня уланов, которые будут содержаться на счет французского правительства и во главе которых он обязывается являться на службу короля. Не позже шестимесячного срока король подарит Андрею Палеологу в Италии или в другой земле участок доходностью не меньше 5000 дукатов; употребит все средства для возвращения Палеологу его власти в Морее и Пелопоннесе; настоит на правильной уплате ему пенсии в 1800 дукатов, назначенной римским престолом.

В высшей степени любопытно, что этот акт, как составленный в Риме, не мог остаться неизвестным папскому правительству. Между тем, когда Карл VIII действительно явился в Италию с целью осуществления давно всеми желаемого, по-видимому, предприятия против турок, французы встречены были весьма недоброжелательно. В первый раз тогда, в политике итальянских государей обнаруживается сознание, что турецкая гроза еще не столько страшна, сколько страсть к завоеваниям со стороны французского короля. В первый раз тогда выяснилось, что Европа скорей войдет в лигу с турками, чем образует анти-оттоманскую лигу. Первый изменил общехристианскому делу и в частности делу Андрея Палеолога папа Александр VI, вошедший в сношения с султаном и организовавший в Италии движение против французов. Скоро раздадутся голоса против

Венеции, которая также явно изменит христианскому делу. — Акт продажи прав на византийскую империю Карлу VIII едва-ли получил законную силу.

В 1502 г. Андрей передавал свои права испанскому королю. Выходя из того основания, что в первый раз о константинопольской вотчине великого князя заявили римские дипломаты, мы приходим к заключению, что один из подобных актов продажи титула и прав на византийскую империю русскому царю должен находиться в архивах Ватикана. Сами русские начали делать практические применения из этой теории в XVI и XVII веке.

32

Заканчивая этим первую часть статьи—о зарождении на Руси восточного вопроса, я позволю себе сделать несколько обобщений и вывести заключение. В народных былинах и в летописи нашли мы достаточно указаний, что русские поняли и были в состоянии хорошо оценить великий исторический переворот, произведенный завоеванием турками Константинополя. И в массе народа, и в грамотных людях, и в правительстве оказалась хорошо подготовленная почва для восприятия идеи восточного вопроса. На образцах толкований мистической литературы мы могли убедиться, что русские грамотные люди имели достаточно литературного и политического образования, чтобы сделать из пророчеств и предсказаний применение к национальным и историческим потребностям России. В высшей степени любопытна та последовательность, с которою проведен был принцип перенесения на Москву государственного и церковного значения Рима. Государственно-правовая фикция о Москве— третьем Риме, подкрепленная символическими легендами о Мономаховских регалиях и о Белом клобуке перенесла уже идею восточного вопроса снизу вверх и сообщила ей форму и содержание государственной системы. Литературные, философские и правовые построения завершаются, наконец, теорией, по которой византийская империя рассматривается как принадлежащая русскому царю по праву наследства, как его вотчина, которую следует добывать. Русские не спешили, однако, осуществлять свое право, ибо в XV и XVI веке им далеко еще было до Константинополя, так как настояла необходимость защищать Москву от татар. Но царь Грозный имел полное право сказать, завоевав Казань и Астрахань, что он уже начал освобождать христиан от мусульманства.

Итак, со времени своего зарождения восточный вопрос и оказался для нас живым принципом, в разработке и в применении которого в жизни участвовали разнородные элементы общества. Важная роль, которую играют в сознании русских людей указанные выше теоретические построения, оправдывают, на наш взгляд, положение, что вместе с восточным вопросом на Руси изучается история развития национального самосознания. В самом деле, если нам удалось в народном творчестве и в письменности,

33

а равно в государственной и церковной практике отыскать проявления одной и той же идеи, то конечно эта идея должна быть признана коренной и формирующей жизнь общества. Если далее эта идея в своем развитии и приспособлениях вызывала потребность внутренней работы и напряжения умственной деятельности, то конечно такая идея должна быть признана руководящей поведением русского общества. Если наконец на пространстве всей русской истории отношения к восточному вопросу составляют у нас самый верный — скажу даже единственный — критерий для различения общественных и литературных движений и партий, политических симпатий и антипатий как правительства, так и разных общественных групп, то ужели же не признать, что в восточном вопросе лежит фундаментальная часть политического и национально-исторического развития русского народа?

IV.

Обратимся теперь к рассмотрению внешних и внутренних условий, влиявших на развитие восточного вопроса. Если восточный вопрос возник органически из исторических и национальных потребностей России, если он не есть случайный нарост в нашей истории, то естественно ожидать, что он будет оказывать громадное влияние на гражданскую жизнь общества и на внешнюю политику московского государства.

Притязания русских на политическое и церковное главенство в греко-славянском мире представляются по меньшей мере юным задором или детскими фантазиями, если вспомнить положение России в XVI веке: необеспеченность восточных и южных окраин, открытых ежегодным вторжениям татар, в особенности же заметную слабость ее по сравнению с ближайшим соседом на западе — Польшей. Можно ли было серьезно

рассуждать о миссии освобождения славян и греков такому государству как Россия, страна, далеко еще не собранная воедино, не имеющая внутренней организации и далеко отставшая от соседей? Кто смел думать тогда о Царьграде, об отдаленных военных экспедициях, о расширении московской территории до Черного

34

моря? Да разве Польша хуже понимала свою историческую роль и по признавала, что каждый шаг, сделанный из Москвы на юг и запад, затрагивал ее жизненные интересы? Польша зорко следила за Москвой и в состоянии была наложить грозное veto на внешнюю политику царей. Я должен согласиться, что наши предки не совсем оценили всю сложность задач, стоящих в связи с восточным вопросом, вообще не доросли до понимания политического западноевропейского смысла, соединяемого с восточным вопросом. Но к чести их нужно сказать, что они и не спешили заявлять о своих притязаниях, не пускались в авантюру и не играли смешной роли. Прежде всего они занялись последовательным применением в гражданской и церковной жизни тех принципов, которые необходимо было усвоить Москве, как наследнице Константинополя. Остальное предоставлено было времени и обстоятельствам.

Чего не могли понять сами русские, тому научили их западные соседи. С началом XVI века одновременно с двух сторон начинаются посвящения России в европейскую политику восточного вопроса: со стороны императора и папы. Не может подлежать сомнению, что единственный повод, вызвавший в европейских народах желание ознакомиться с Россией, заключается в восточном вопросе; с точки зрения роли России в восточной Европе смотрели на московское правительство европейские дипломаты. Так дан был дипломатическими сношениями с папой и императором толчок тому национальному движению, которое мы установили для XV века. Можно отсюда понять, как важно выяснить, что приходившие из Рима и Вены послы своими советами и практическими указаниями лишь разъясняли, развивали и облекали в реальную форму отвлеченные идеи и теоретические построения, созданные на русской почве.

С конца XV века и до вступления на престол дома Романовых можно проследить почти непрерывный обмен посольствами между Римом и Москвой. Если я скажу, что в Риме сосредоточивались все нити

европейской политики, что римские дипломаты были самыми искусными и влиятельными в Европе и что по преимуществу в Риме составлялись проекты крестовых походов против турок, то легко понятна будет важность сношений Москвы с Римом для

35

нашею вопроса. Благодаря просвещенным взглядам нынешнего папы Льва XIII на науку, сокровища Ватиканского архива делаются доступны изучению, а в самое последнее время появилось уже несколько капитальных изданий и специальных исследований, безусловно необходимых в изучении восточного вопроса. Эти вновь открывающиеся материалы, бросают новый свет на многое в истории XVI и XVII вв. и вызывают потребность пересмотреть установившиеся у нас мнения об этом периоде.

Сношения Рима с Москвой имеют своим мотивом восточный вопрос и направлены к просвещению России на счет ее обязанностей по разрешению этого вопроса. Чем дальше турки забирались в Европу, чем грозней становились они для Вены и Рима, тем яснее представлялась для европейской дипломатии мысль о привлечении России к передовой роли в борьбе с турками. В силу этого сознания, которое разделяли все европейские державы, за исключением Польши, императорские и панские послы не только находили полезным разъяснять русским их политическое значение на европейском юго-востоке, но и подстрекать их национальную честь, шевеля честолюбие Москвы. И нужно признать, что московская миссия поручалась людям очень умным и даровитым, которые весьма умело брались за дело. Но драматизм положения заключался в том, что по исполнению европейских планов, по картинному выражению того времени, Россия должна была «обломать рога султану». Как известно, бодливой корове Бог рог не дает, поэтому римской курии нужно было обсудить средства, с которыми Россия вступит в борьбу с турками. Средства, пожалуй, и были в наличности, но, дав их в распоряжение России, Рим должен был поступиться правами католицизма и интересами государств латинской церкви в пользу схизматической Московии. Но разве возможно было Риму пожертвовать Польшей ради России?

Инициатива в сношениях с Москвой всегда принадлежала правительству папы, которое весьма рано в своих комбинациях разрешения восточного вопроса назначило Москве определенное место

и главную июль. Можно даже утверждать, что некоторыми политическими уроками и указаниями из Вены и Рима, московское правительство с успе-

36

хом воспользовалось в восточном вопросе. В самом деле, в течение целой сотни лет нам внушают мысль о передовой роли на востоке, об обязанности взять в свои руки разрешение восточного вопроса, об единоверных и родственных по языку народах, томящихся под турецким господством, наконец об отыскании константинопольского наследства, о королевском венце и учреждении независимого патриаршества—разве не эти идеи составляли узел развития восточного вопроса на Руси, разве не эти мысли разрабатываются и осуществляются практически в Московском государстве XVI века? Уж не есть ли восточный вопрос на Руси продукт западной цивилизации, или может быть русские бояре, окольные и дьяки оказались такими тупыми и ограниченными, что не могли стать на высоту понимания открываемых им заманчивых перспектив? Я должен прямо высказаться, что хотя подсказываемая нам роль в восточном вопросе вполне соответствовала нашим чаяниям и выражала в конкретной форме правительственные и общественные идеалы, но если бы мы усвоили ее себе в рекомендуемой форме и со всеми ее последствиями, то наверное утратили бы безвозвратно свою июль в истории и потеряли бы всякую возможность деятельно участвовать в разрешении восточного вопроса. Россия поняла, что ей пришлось бы загребать жар своими руками для других, практический смысл спас московских людей от увлечения западноевропейскими планами.

Самым знаменательным для нас фактом служит то, что о константинопольском наследстве впервые стал говорить посол папы в 1519 году. Чтобы поощрить великого князя Василия III к политической роли в восточном вопросе, папа наказывал через своего посла Николая Шомберга сказать в Москве, между прочим, следующее. «Папа уразумел великого князя силу, и правую и верную мысль, кою мыслью кипит христоверно и на неверных на татар свирепует. По сему он хочет его и всех людей русской земли Припяти в единачество и согласие римские церкви, не умаляя и не переменяя их добрых обычаев и законов, но хочет покрепинти и грамотою апостольскою утвердити и благословити вся та... Занеже церковь греческая не имеет главы и патриарх константинопольский и все царство в

турецких руках, и он (папа) ведает, что духовнейший митрополит есть на Москве, то хочет его и кто по нем будет повысити и учинити патриархом, как был прежде константинопольский, а наияснейшего и непобедимейшего царя всея Руси хочет короновать в христианского царя, и того папа от сердца желает. А от того папа не просит ничего прибытка и только хочет хвалы Божьей и соединения христоверных и чтобы совершеннее то дело против турскаго вперед шло. А нечто похочет князь великий за свою отчину константинопольскую стаями, занеже турецкий вотчину великого князя держит, и он имеет ныне пригоден путь да и помощь, что ни за 100 лет от сех мест наследники константинопольские не имели, а то и от своего разума и от многих речей ведати может»...

Можно удивляться настойчивости, с которою пана и император преследовали план привлечения Москвы к войне с турками. Эта настойчивость, весьма странная в таких практических и снабженных способами знать Россию политиках, объясняется, однако весьма сочувственными об нас отзывами, помещенными в сочинениях о России барона Герберштейна и Павла Ювия. Оба эти писателя имеют для нас громадное значение, и можно пожалеть, что с ними недостаточно знакомят нас в школе. Под влиянием их записок, очень распространенных в западной Европе, было составлено в особенности венецианцами несколько донесений и реляций о России — с указанием политического значения этого государства на востоке. Одна из таких записок подана была пане Клименту VII. В ней изложено следующее. «Я не могу довольно надивиться равнодушию, с которым предшественники вашего святейшества оставляли доселе без внимания Московию, страну многолюдную, различествующую с нами в самых маловажных догматах, и нисколько не заботились о привлечении ее обратно в лоно истинной церкви. Чем может более обессмертиться ваше имя в позднем потомстве, как не воспоминанием о том, что в ваше управление московиты обращены к истинной вере. Обращение Московии гораздо важней, чем все выгоды, какие доставило бы нам покорение оружием Азии и Африки.— Не должно отнюдь верить тем, которые утверждают, будто нам нужны только

деньги москвитян, славящихся богатством, а будто помощь их, но причине отдаленности от турок, вовсе бесполезна. Из Смоленского княжества, через землю сопредельного и дружественного москвитянам народа Руссов, путь ведет прямо в Валахию и Болгарию, а оттуда через Фракию в Константинополь. Этот путь весьма удобен для следования войск и для атаки, ибо из всех границ Турции самая слабая есть та, которая находится со стороны Московии».—Кроме приведенных черт, в этом документе в первый раз указано на христианские народности Балканского полуострова, которые могут оказать содействие в войне с турками и в особенности откровенно высказана необходимость завязать прямые сношения с Москвой, при устранении всякого в этом деле посредничества польского короля.—Причину этого условия мы скоро поймем.

Нет сомнения, что главный мотив, поддерживавший настойчивость римской курии, заключался именно в тех обстоятельствах, которые указаны в приведенной записке: турецкая гроза, «лютеранская чума», чувствительные потери католической церкви и надежда вознаградить эти потери приобретениями в лоно церкви схизматиков. Знакомить русских царей с этими мотивами было неудобно, потому в императорских и папских письмах и инструкциях весьма подробно развивается идея восточного вопроса и выясняется политическая роль России. Хотя в кратких чертах, приведу некоторые инструкции и письма. Распространение турецкого господства в Европе весьма скоро затронет существенные интересы Московского государства. Положение Москвы далеко небезопасно, расстояние ничего не значит, ибо татары, разделяющие теперь Турцию от Московии, по вере и обычаям мало отличаются от турок и будут действовать по внушению султана. Если турки подвинутся и овладеют, какой-либо страной, очередь будет, прямо за Москвой (Герберштепн). Война России с Турцией выставляется то как неизбежная необходимость, то как, почетное право—и в последнем, случае сулит много выгод России. Сколько Москва может приобрести от, союза с Римом — это самая обычная и богатая тема переговоров. Будь только откровенен великий князь, и ему предоставлена будет такая честь и прерогативы, на него

польются такие милости, о которых он даже не помышлял. Ему предлагали королевский венец, освобождение из-под церковной зависимости константинопольскому патриарху, возведение русского митрополита в патриархи, возвращение константинопольского наследства, которым не по праву владеет султан (Шомберг, Герберштейн, Франциск, и папские письма).

Трудно сказать, на сколько считались обязательными широкие обещания и как бы они были выполнены. Но римские русофильские тенденции, прежде чем перейти к практическому выражению, встретили сильное противодействие в польском короле. Сигизмунде-Августе, который прямо назвал их римской интригой. Известно, как натянуты были отношения между Москвой и Польшей и как всякий успех Москвы затрагивал существенные интересы Польши. Польские короли не могли смотреть сквозь пальцы на международные отношения; восточный вопрос для Польши был также свой вопрос и она не могла допустить передачи главной роли в этом деле в руки России. Сначала король подсмеивался по поводу авансов, делаемых Москве папой и императором, но потом решился раскрыть всем глаза и поставить вопрос прямо: Польше или Москве принадлежит будущее на востоке. — По откровенности, страстности и энергии нижеприводимый документ (инструкции послу в Риме Крыйскому от 15 февраля 1553 года) далеко оставляет за собой все, что нам известно из других источников о политике Польши. И так как развитие на Руси восточного вопроса находится в тесной связи с нашими отношениями к Польше, то нахожу необходимым познакомить с этим документом.

Ни со стороны интересов польского народа, говорил король, ни с точки зрения пользы католической веры и достоинства апостольского престола нельзя одобрить римские взгляды на Москву. Невозможно, чтобы московиты, для которых нет ничего ненавистней Римской церкви и имени папы, искренно и сердечно обратились к католической вере. Московского князя охватила какая-то безумная страсть к новым титулам, на которые он даже и посягнул без всякого права и из-за которых заводит бесконечные споры с соседями. Известно из летописей, что Московские

князя давно уже домогаются королевского венца, но папы, у которых они просили этой чести, были таковы, что не хотели ничем поступиться, что

относится к достоинству католической веры и к приращению Римской церкви. Прирожденное москвитам упорство в схизме всегда служило препятствием к осуществлению их домогательств. У нас много последователей греческой секты, и мы имели не раз случай наблюдать, как упорен в своих обрядах этот народ. — Отсюда его святейшеству следует внимательно обсудить: какой пользы достигнет, он от москвитов для себя, для церкви и христианских князей.

Что касается Польши, то жизненный интерес наш— противиться всеми способами возведению московского князя в короли. Ибо наверное можно опасаться, что находящиеся под польской властью русские области перейдут тогда к московскому князю, как к своему патрону и единоверцу, в особенности если увидят расположение к нему папы и как-бы одобрение ею догматов. Наши счеты с Москвой слишком велики и стары. Ужели вы думаете, что мы можем вступать в лигу против турок с другими государями, не устроив, наше собственное дело с Москвой! Ужели московский князь может ввязаться в войну с турками, не заручившись прочным миром с нашей стороны! Но надежды на мир Москвы с Польшей напрасны, пока нам, не удастся взять то, что принадлежит, нам.—Наши предшественники всегда являлись верными стражами чести и достоинства Римской церкви и обличителями московской лжи, они всегда предупреждали апостольский престол против, доверчивости пустым обещаниям. И ныне, следуя этому обычаю предков, обращаем, внимание на московское дело и питаем уверенность, что наши заявления будут оценены по достоинству. Или думает апостольский престол увеличить тело христианской церкви одним, членом, и отсесть другие, или предпочитает, его святейшеству испытанную верность Польши уклончивым обещаниям Московии! Но пусть раскроют глаза на действительное положение дел. Москва не имеет никакой значения в восточном вопросе за дальностью расстояния от Турции, за необходимостью в случае войны проходить через польские области, в которых, ее ожидает, масса затруднений. Что до морского пути, то

москвиты совсем несведущи в морском деле. Кто же держится того мнения, что они могут скоро привыкнуть к мореплаванию, тот не видит обратной стороны медали. Покажите москвитам море, они сделаются еще вредней и опасней. — Наконец, папе следует взвесить и то, что его московская политика в корне подрывает все виды на увеличение Римской

церкви приобретениями в восточной Европе: тогда Молдавия и Валахия, подающие теперь некоторую надежду на обращение в католичество, утвердятся в своих заблуждениях. Если-бы в Риме не обратили внимания на эти энергичные представления, то король приказывал сказать, что он готов разорвать сношения с папой и искать союза с турецким султаном. — Но до этого в Риме не довели дела.

Протест Польского короля раскрывает нам весь трагизм хорошо известных печальных отношений между двумя северо-восточными славянскими державами. Чтобы понять неизбежность постановки роковой дилеммы между Россией и Польшей, нужно вдуматься в тогдашние политические взгляды: ты или я, а вместе нам тесно. Связь между политическим и религиозным вопросом не есть продукт восточноевропейских воззрений, а есть единственная господствующая теория, которая так влияет на развитие восточного вопроса. Пока Москва была в черном теле, пока ею владели татары, вопрос о слиянии с ней единоверных народов, которые были под Польшей, не выступал наружу. Но когда римская курия стала обещать московскому князю титул и церковное независимое устройство, ужас охватил польского короля перед картиной неизбежного отделения от Польши непольских элементов и перед политической миссией России в восточном вопросе.

В Риме не могли не принять к сведению заявления Польши и стали гораздо осторожней высказываться в сношениях с Москвой. С одной стороны, пытаются успокоить короля заверениями, что все будущие выгоды от разрешения восточного вопроса даже московскими руками обратятся в пользу Польши, с другой продолжают подстрекать самолюбие русских тайными посольствами (Джиральдо советовал отправить посольство *sotto abiti simulati*), о которых не давалось знать в Польшу. Риму приходилось, став на

этот путь, играть очень незавидную роль и быть в истинно комическом положении. Не желая поставить против себя короля, который угрожал союзом с турками, римские дипломаты сулили увеличить Польшу Трансильванией, Молдавией и Валахией, если король двинет свою кавалерию против турок (в 1571 и 1580 г. г.) Побуждая же царя взять в свои руки восточный вопрос, развивали мысль о константинопольском наследстве и указывали на те же Молдавию и Валахию с придачей

Болгарии и Цареграда. Можно судить, как эта двойная игра дискредитировала папу в глазах русских людей.

В последние годы Ивана Грозного и при его преемнике Федоре Ивановиче восточный вопрос иступил в роковую фазу развития. События, на которые я имею указать, довольно известны, но они получают особенный смысл в связи с занимающим нас вопросом. Хорошо образованный, изучивший историю России даровитый Антоний Поссевин привнес новые точки зрения в политику восточного вопроса. Он первый обосновал мысль, что восточный вопрос и должен быть разрешен силами юго-восточной Европы; под влиянием более практических и широких венецианских взглядов, он способствовал к тому, что в Риме стали склоняться к мысли отделить, хотя на время, религиозный момент от политического в восточном вопросе. Наконец он же теоретически и практически начал готовить почву для движения на Балканском полуострове, в Малой Азии, между малороссийскими казаками и грузинами. С Поссевина восточный вопрос приобретает высочайший, хотя у нас еще мало выясненный интерес. Я остановлюсь только на одном эпизоде миссии Поссевина. Отправляя его в Москву, римская курия внушила ему успокоить польского короля заверением, что в сущности мир между Москвой и Польшей обратится к выгоде этой последней, ибо не может-де быть сомнения, что пана всегда предпочитает Батория Грозному. Ручательством в этом служила Валахия, обещанная Польше. Между тем вот что поручено было ему развить перед царем Грозным. Если вы соединитесь с христианскими князьями против султана, это будет сопровождаться великой для всех славой и расширением вашего царства. Про вас все христианские народы будут

43

говорить, как про тех героев, которые освободили Сирию и Иерусалим. Предки вашего величества счастливо ходили в Азию и в Цареград, но не удержали за собой этих стран. Между тем предопределено свыше, что восточные страны будут вечно за вами, ибо святейший апостольский престол имеет на то прямые указания и потому желает возвеличить вас честью и титулами. Выскажите только вашу волю, и все государи предоставят вам начальство в турецкой войне. В виду подобных заявлений, не естественно ли задаться следующим вопросом: а что если бы и в самом деле Грозный увлекся прекрасным планом и присоединился к взглядам римского дипломата? Теоретическими соображениями я не

доказал-бы, правильно или нет взглянули Грозный и бояре на свои обязанности в восточном вопросе. К счастью, в настоящее время возможно сослаться на документальные данные.

Стефан Баторий, которого так недолюбливал Иван Грозный и называл турецким посажеником, поколебал господствовавшие на западе взгляды на восточный вопрос и создал смелый, грандиозный план разрешения его. По его воззрению, римские дипломаты слишком идеализировали Россию, возлагая на нее такие надежды, каких она никоим образом не могла осуществить. Единственно чем бы Россия оказала пользу общеевропейскому делу—это взять Азов, но она не способна к тому при существующих обстоятельствах. В сущности Россия препятствует разрешению восточного вопроса и потому первым истинно полезным и христианским подвигом было бы устранение с дороги этой вредной державы. Таковы исходные пункты Батория, которые весьма напоминают нам рассуждения итальянцев, французов и германцев, находивших, что Византийская империя препятствует достижению цели крестовых походов. Чуть ли не первый, кому Баторий сообщил свои соображения— был легат папы Антоний Поссевин, человек даровитый, страстный и давно уже занимавшийся восточным вопросом. Он увлекся планом Батория и сделался истолкователем его перед папой. На основании донесений Поссевина, записки канцлера Замойского и инструкций польским послам в Риме является теперь возможность ознакомиться с планом

44

Стефана Батория во всех подробностях. Вопрос представляется в таком виде с точки зрения поляков.

Все предшествующие переговоры по восточному вопросу приводят к убеждению, что Россия только в том случае будет полезна христианам в борьбе с турками, если во главе ее станет католический государь. Если эта обширная страна, соприкасающаяся с Каспийским морем и океаном и простирающаяся до азиатских пределов, подпадет власти католического государя, ближайшим следствием того будет широкое распространение католической веры и устройство римских епископий и церквей по всей Московии. Вместе с тем последует усиление христиан перед мусульманами. Самый чувствительный удар Турции молено нанести п. тылу. Средства для того имеет одна Московия, как по громадному

протяжению земель, с которых можно собирать войско, так по важности своего положения и пограничности с населеннейшими христианскими землями. Она может вступить в союз с персами, в ее владениях находится Каспийское море, в Астрахани следует устроить флот, а окрестное население даст хороших моряков. Владеющий флотом на Каспийском море и стоящий в союзе с персами будет держать ключ от восточного вопроса. Он подчинит себе черкесов и грузин, двинется на Константинополь со стороны Малой Азии и постарается быстро овладеть проливами. Сами турки прекрасно поняли значение этого пункта и намереваются соединить каналом Волгу и Дон. Если им это удастся, они решительно упрочат свое положение в Европе, завоюют Москву и без труда наложат руку на Польшу и Германию. Для предупреждения этого, а также чтобы обратить средства Москвы на службу христианскому делу, король находит одно средство: завоевать Московию, устроив из нее операционный базис для предприятий против Турции. Ради общей пользы, король готов посвятить себя на исполнение этого плана и не пощадит для того ни средств, ни самой жизни, если только папа заблагорассудит воспользоваться им к славе Божией, как спойм орудием. — Лучшим моментом для осуществления этого плана было время после смерти Грозного. Пользуясь интригами бояр и слабостью преемника Ивана Грозного, Ба-

45

торий надеялся без особенного труда исполнить задачу в три года, канцлер Замойский смотрит на нею операцию как на военную прогулку. Признается необходимым иметь в распоряжении корпус в 24 тысячи пешего и конного войска, король принимает на себя половину расходов, если папа покроет другую. Денежная субсидия предпочтительней, ибо людей предполагается вербовать в Московских провинциях. привычных к климату и условиям страны.

Таков в кратких чертах беспримерный план разрешения восточного вопроса, выработанный в Польше и сообщенный в 1584—1585 годах в Рим. По внешней комбинации он должен быть признан весьма остроумным и дальновидным. Очень хорошо известно, что в общих чертах подобный план проводим был в наших последних войнах с турками и весьма вероятно, что наши успехи на востоке по менее, чем со стороны Балканского полуострова обуславливают развязку восточного вопроса. Но для меня любопытней другая сторона дела. Как приняла римская курия

предложение Батория? С своей точки зрения она поступила последовательно, она усвоила себе взгляд Поссевина, а этот последний положительно был очарован гениальным планом короля. Извещая папу и рекомендуя ему мысли Батория, осторожный Поссевин желал только одного, чтоб можно было одобрить предприятие короля, ничем не связав себя на тот случай, если план не удастся: нужно всемерно остерегаться уприщавляет он, заронить в Москве подозрение, будто св. престол замышляет против нее недоброе. На это отвечали ему из Рима в следующем уклончивом тоне. Его святейшество не желает давать советов королю по поводу его предприятия и вполне предоставляет этот вопроса, на волю его величества, в предположении, что будет им избрано самое мудрое и сообразное обстоятельствам решение. Папа разрешает вести и переговоры с христианскими князьями о субсидии, но так чтобы даже и подумать ничто не мог, что это дело идет из Рима. Пусть сам король без шума и секретно от своего имени переговаривается с князьями; как они поступят, к их решению присоединится и папа. Таким образом, план крестового похода против России не только не был отвергнут папой, но нашел у него одобрение, и даже ис-

46

полнен в той по крайней мере части, которая касалась лично папы. Баторий получил из Рима первый взнос субсидии на войну с Россией, что не помешало однако в то же почти время диктовать римскому первосвященнику очень любезное письмо к дарю Федору Ивановичу. Неожиданная смерть Батория в декабре. 1586 года расстроила замысел против Москвы, который уже был разработан в подробностях. Папа Сикст V сделал такую оценку Батория в речи, сказанной по случаю его смерти: «Душа моя потрясена скорбью об утрате короля великодушного, храброго и католического. Он постоянно стремился к возвышенным подвигам, и даже в самое последнее время в его голове зрели благородные и смелые замыслы. Ни опасность, ни неудачи не могли отклонить его от задуманных предприятий! и ослабить его энергию. И возлагал на тии возвышенные надежды и послал ему добрую сумму банковыми билетами— он намерении направиться с его помощью через Московию в Турцию».

Этим можно ограничиться в разборе, сношений Москвы с Римом по поводу восточного вопроса. Мне кажется излишним подбирать новые краски. И приведенные факты достаточно убеждают, что на западе играли

с нами в двойную игру, нас хотели подкупить дарами данайцев и в конце концов над Москвой висел Дамоклов меч, готовый разгромить ее. Было бы ошибочно думать, что с Баторием умерла идея завоевания России с целью устроить в ней базис против Турции. Этой идеей жили государственные люди Польши и делали попытки осуществить ее в иной форме, но также под ауспигиями папы. Так они добились раз того, что на Московском царстве появился действительно католический государь. Смутное время конечно нельзя понять без связи с изучаемым нами вопросом.

Позволительно теперь остановиться на изложенных обстоятельствах и вывести несколько заключений. Опытные европейские дипломаты, взвесив положение России на востоке, провели в практическую жизнь и возвели в политический принцип те отвлеченные и довольно фантастические построения русских людей, о которых мы говорили выше. Поклонись мне, не раз искушали Москву римские дипломаты, Д и весь юго-восток Европы с Константинополем мы отда-

47

дим в твою власть. Почему же русские деятели не приняли с благодарностью ту почетную роль, которая так настойчиво рекомендована была из Рима, и которая так соответствовала национальным чаяниям? Ведь они не впали, в большинстве случаев, фантов, обличающих двоедушие западной политики. А между тем тогда чувствовалась настоятельная необходимость в сношениях с иностранцами; начиная с Ивана III, из Москвы постоянно отправляли просьбы на запад о присылке врачей, архитекторов, машинистов, военных людей и разного рода ремесленников. Чем же объяснить, что Русь не увлеклась блистательной перспективой, открываемой ей на том пути, на который приглашали ее римские первосвященники? Что предохранило Русь от увлечения римскими планами и от смелой авантюры?

V.

На эти и подобные вопросы нельзя ответить без рассмотрения так называемых устоев, на которых строилась русская жизнь. По господствующему воззрению русские потому с недоверием относились к римским внушениям, что у них преобладали гражданские и политические идеалы, полученные от Византии. Весь период до Петровской реформы принято поэтому считать временем господства византийских влияний. Это

не совсем верно, и я попытаюсь сделать характеристику наших отношений к грекам в XVI и XVII веке. Интерес бывшей у нас греческой иерархии митрополитов и епископов, правда, заключался в том, чтобы держать Русь в удалении от западных влияний, так как папские и императорские послы часто выдвигали вопрос о национальной и религиозной чести русского государя, о неудобстве подчинения в церковных делах патриарху-посаженнику султана и о повреждении греческой веры мусульманами. Нет сомнения поэтому, что греческое духовенство должно было тщательно оберегать Россию от папистов и возбуждать нетерпимость ко всему латинскому. Так и объясняют нерасположение к Риму Павел Иовий, Олеарий и др. иностранные писатели. Но не нужно забывать, что весьма рано возникли у нас сомнения на счет автори-

48

тета греческого духовенства; эти сомнения одинаково подрывали и право греков на занятие в России высших церковных должностей и чистоту греческой веры. Обширная, так называемая политическая, литература, появившаяся в XVI веке, свидетельствует, что среди русского общества был большой запрос на сочинения, трактующие о правде греческой, но она же предполагает распространенность и противоположных мнений, с которыми нужно было бороться. Безвестный ряд деятелей — немчины и фрязины—проникают в Москву, некоторые делаются нужными людьми при государе и боярах и успевают достигнуть значительного влияния. Таков, например, врач Николай Люев, против которого полемизирует Максим Грек. Даже почтенная деятельность сейчас названного лица не поддержала в России престижа греческого духовенства и не осталась чистой от нареканий и подозрений. Известно, что XVI век завершился полной эмансипацией Москвы от греческой иерархии.

Причины нашего отчуждения от греков кроются прежде всего в развитии народного самосознания. А как история русского самосознания идет рука об руку с развитием на Руси восточного вопроса, то мне следует теперь показать—в чем была разница русских и греческих воззрений на этот предмет. Более образованные и влиятельнейшие греческие патриоты, как кардинал Виссарион, совершенно опустили из виду Россию как носительницу греческой веры и естественную надежду угнетенных турками народностей. Виссарион доказывал, что после завоевания Константинополя для востока нет спасения вне союза с Римом, ибо основанная Христом церковь, которую не одолеют врата адовы, не может

быть представляема в обрывках восточных патриархатов, со дня на день умахаемых и приходящих в ничто. Как бледны и малосодержательны в этом отношении представляются и мысли Максима Грека, действовавшего словом и пером в стране, где разрабатывалась фикция о преемственности Риму и Цареграду и где волновала умы идея о передовой роли на восточном вопросе! В разных сочинениях Максима встречаются поощрения русского царя к политической миссии: «о, если бы нам некогда быть освобожденным тобой; о, если бы ты явился наследником отеческого твоего пре-

49

стола в Константинополе!»! но это были, по его же выражению, и, прельщающие суетные надежды, а не вера и убеждение. Нужно вспомнить, что русский взгляд на задачи Москвы в восточном вопросе исходил напротив из глубокого убеждения в неизбежности провиденциальной миссии, из уверенности в избранничестве русского народа. Разве гордые своей вековой культурой и исторический и. прошлым греки могли стать на эту точку зрения?

Были еще другие причины слабости греческого влияния на развитие у нас восточного вопроса.

Прилив греческих выходцев в России был громадный после падения Константинополя. Отовсюду из греческих, славянских и восточных стран потянулись в Московское царство люди разного, по преимуществу духовного чина. Одни из них оставались в России на жительство, другие, получив милостыню, удалялись на родину. В настоящее время издано уже достаточно материалов, чтобы составить определенное представление об этих людях, об их целях и желаниях, а главное о впечатлении, которое они оставили на Руси. Мне можно сослаться на прекрасные издания и сочинения, посвящаемые этому вопросу: Муравьева, Сношения России с востоком; Каптерева. Характер отношений России к православному востоку и Николаевского, Об учреждении патриаршества. Кто же были эти пришельцы, жаловавшиеся на притеснения мусульман и старавшиеся возбудить к себе сострадание? За весьма немногими исключениями, эти так называемые митрополиты, епископы, архимандриты и ш умны— были проходимцы, принявшие ложные звания и искавшие в России карьеры и наживы. На востоке, скоро поняли, что, играя на одной и той же струне, т. е., рассказывая о турецких насилиях, в России всегда можно найти доброхотных жертвователей и кое-что нажить. Вследствие этого Москва наводнена была толпами честолюбцев, искателей приключений или даже

бродягами. Многим удавалось обмануть русских: получать потерянные места по рекомендации государя, входить в письменные сношения с московским двором и выпрашивать ежегодные правильные подаяния, наконец получать хорошие места в России. Само собой разумеется, от этих людей трудно ожидать воспитательного и

50

образовательного влияния на русское общество. Правда, льстивых слов говорили много греческие пришельцы; так патриарх антиохийский (1586) желал посмотреть на старости своей великого православного государя, ибо кто не видел солнца, ничего еще не видал, солнце же правоверных христиан в нынешние дни ваша царская милость». Но принять участие в организации русского политического развития они едва ли были способны.

На арене действуют не Максимы Греки, а такие лица, как Паисий Лигарид и ему подобные. Несколько данных из жизни в России этого последнего будут здесь уместны. Это был запрещенный архиерей, лишенный кафедры и сана, но очень ловкий и находчивый человек; он явился в Россию с подложными грамотами и другими документами и долго разыгрывал у нас роль Газского митрополита. Вот несколько челобитных его к царю. Он-де уговорился вносить ежегодно за свою епархию 500 ефимков туркам и потому просит выдать ему эту сумму, чтоб православным христианам его области нечестивые турки притеснений не делали и не обратили в свою турецкую веру. В том же году он просит: отпускаемого ему жалованья и корму едва достаточно для него одного, а между тем при нем состоит несколько служек и три лошади; чтобы не поморить людей и скота, просит прибавить жалованья. От того же года челобитная о пожаловании новых архиерейских одежд. Государь подарил ему кафтан, рясу суконную беличью, да шубу соболью. В следующем году Паисий просит дать ему карету и лошадей с новой сбруей, назначить жалованье состоящему при нем дьякону, обменять 250 рублей медных на серебряные; заявляет желание получить 1,700 ефимков на уплату каких-то податей патриарху и туркам. Наконец, просит вообще выдавать ему жалованье золотом «для ради легкости, послать доведется». Таков тип приходивших к нам на жительство греков.

Громадное большинство приходило, однако не с пустыми руками. Как скоро на востоке узнали, что Москва, претендующая на титул столицы православия, полагает особенную честь и старание в привлечении

к себе греческой святыни и платит за нее деньгами и соболями, со всех сто-

51

рон явились предложения древних икон, мощей, орудий крестных страданий и других чтимых православными предметов. Русское правительство ассигновало громадные суммы на приобретение восточной святыни и нередко само отправляло запросы в восточные монастыри и к патриархам относительно самых ценных предметов почитания. Открылась настоящая меновая торговля. Греки предлагали небольшие части мощей через известные промежутки времени, причем приходилось платить десять и даже двадцать раз за некоторые святыни. В 1561 году один старец предлагал крест с мощами, но по осмотре мощей не оказалось и ему крест отдали назад. Но скоро он возвратился назад и объяснил, что он действительно вынул было мощи в намерении предложить их особо. Рекомендуя русскому правительству ту или другую святыню, обыкновенно излагали ее историю, указывали ее специальное значение и разъясняли ее, так сказать, вселенский смысл.

Так, например, иноки афонского Иверского монастыря, посылая мощи священномученика Василия, писали: «а мы с тою св. рукою хаживали в миру, освятя воду с нее, и исчезала всякая гадина в полях, семя ядущая саранча, мыши и всякая иная гадина, и собираем с православных христиан много милостыни». Не раз предлагаемы были в Москву святыни, так сказать, государственного свойства, напр. часть «животворящего древа», которым никому не подобает владеть кроме православного царя «яко великий царь Константин». Подобные святыни посылались с выяснением их исторической важности и с указанием, что их домогались многие иноверные лица и предлагали большие деньги, но что надлежащее им место в православном царстве. Уже весьма рано московское правительство, приведенное в сомнение, стало требовать гарантий, что предлагаемая святыня есть подлинная, а не подложная. Появляется ряд патриарших свидетельств любопытного содержания. Константинопольский патриарх Каллиник свидетельствует: «всякая вещь хотя иногда и истинна есть, однакожь люди ее в подозрении имеют и для многих иных приключившихся причин, а наипаче того ради, что не ведают ту вещь чрез искусство и подлинное испытание. Посему свидетель-

ствую, что сии священные мощи суть истинны, они сами имеют свидетельство своей истинности в пребогатом благоухании, которое от них исходит». Свидетельство подлинности иконы Влахернской Богоматери, составленное патриархом Паисием, передает историю этой чтимой святыни, как она сохранилась после, турецкого завоевания и имеет важный археологический смысл. Портной, которому она досталась покупкой у турка за 500 ефимков, много раз имел видения, в которых Богородица советовала не держать у себя эту икону, а препроводить ее в страну, где царствует благочестивый царь. Когда турки разорили Влахернскую церковь, из того места, где стояла икона, потекла и теперь течет вода. Близ того места находятся две церкви, Иоанна Богослова и Дмитрия Солунского. В великий пост, когда бывает акафист пресвятой Богородице, и 2 июля греки приходят к той святой воде; во множестве, устраивается к источнику крестный ход, и бывают в то время исцеления от всякой болезни тою святою водой, и берут ее греки в дома. Святой источник сей течет под городскую стену в море, и 2 июля, когда бывает праздник, в море, где потонули кагана скифского корабля, вода бывает кровавою до 1 сентября, а с сентября опять по-прежнему. Оберегает все; те; места, откуда течет святая вода, русская полонянка, для того, что ей указано с тех людей, кто к святой воде; придет, брать по деньге с человека, и тем она питается, а полонянка сия обусурманена.

Систематической передачей своей святыни Москве греки, сами того не сознавая, лишали себя твердого, веками сложившегося положения в России. Русские не жалели денег в полной уверенности, что сосредоточение православных святынь в Москве; служит лучшим залогом к осуществлению их притязаний стать во главе православия. Москва хорошо поняла, что для того, чтобы сделаться третьим Римом, ей необходимы всем понятные внешние атрибуты древнего благочестия. Пользуясь расточительностью и—скажем прямо — корыстолюбием греков, русские постепенно сосредоточили у себя то, в чем полагали существенное отличие и видимый характер православия и скоро воспользовались этим против самих же греков. Антигреческое направление,развившееся у нас еще до Петров-

ской реформы, есть логический вывод из рассмотренных отношений греков к России и отмечает собой новый шаг в развитии восточного вопроса. У нас поняли слабые стороны греков и перестали питать к ним доверие.

А ныне, говорится в одном из указов Феодора Алексеевича, они гречане стали приезжать к нам самые молодчие люди, и буде у которых объявятся товары, и те худые, и вместо алмазов подделанные стекла, да из них многие учили воровать, товары привозить тайно, для кражи пошлин, и в том во всем многие обличены. А посему гречан всех, которые на Москве, выслать, и впредь им останавливаться в Путивле, а к Москве не ездить.

Наступила пора, когда русские сочли возможным резко изменить свои отношения к грекам. Чувство преимущества перед народом, который так часто злоупотреблял доверием русских, и некоторое пренебрежение ко всем грекам сказывается и в правительстве, и в обществе. Мысль о нравственном превосходстве перед греками, разнившаяся в теорию избранничества русского народа, сопровождалась важными политическими и литературными фактами. У нас перестали удивляться грекам, не находили причин подражать им, напротив уже в XVI веке стали относиться к ним критически. Необходимо хорошо взвесить это обстоятельство, особенно в виду часто повторяющихся заявлений о господстве византизма в дореформенной Руси. Чтобы не оставаться голословным, укажу несколько фактов. В 1586 году русский митрополит Дионисий, «мудрый грамматик» встречая патриарха антиохийского Иоакима, первый дает ему благословение вопреки всем обычаям церковной практики. Самым типическим примером того презрительного отношения, в которое стали у нас греки, служат отзывы об них Павла Алеппского, Юрия Крижанина, Арсения Суханова и священника Лукьянова. «Москвичи вовсе не хотят к себе пускать греков, говорил первый. Что это за выродившийся народ и что за поведение? Где они ни появятся, совершают множество преступлений. Так в Москву прибыл патриарх Паисий (1649). В свите его было не более 35 человек: архимандритов, священников и монахов, его племянников и братьев, а также архонтов, пожалованных им в это звание из купцов. Но этим

патриарх не удовлетворился, он набрал в свою свиту разного сброда, назвав его в списке священниками, архимандритами и монахами разных монастырей, и все это для того, чтобы получить больше прибыли, так как

все пожертвования на свою свиту и на разные монастыри брал себе. Чем греки лучше нас, думали русские; был у них царь благочестивый, а ныне нету, в то место восстал царь на Москве. Какая честь патриарха? Где монастыри?

Всего этого нет. Было у них мощей много, и их разносили по разным землям и у самих ничего не осталось, а у нас их много. Бог прославил в нашей земле своих угодников». «Корыстолюбивые греки, говорит Крижанич, волочется по нашим странам без нужды. Всякие святыни превращают в товар и стараются тысячу раз продать нам Христа, которого Иуда продал однажды. За деньги посвящают свинопасов и мясников, которых в Гуси не посвятили епископы. За деньги разрешают всякие браки, прощают грехи без исповеди, ради денег скитаются и выдумывают предлоги для нищенства и выпрашивания милостыни, не будучи епископами, посвящают попов»!

«Плачут, жалуется Лукьянов, обижены от турка. А кабы обижены, забыли бы простые старцы носить рясы суконные по три рубля аршин. Напрасно турка старцы греческие оглашают, что насилует: а мы сами видели, что им насилия ни в чем нет, ни в вере, ни в чем: все лгут на турка»! Просматривая длинный ряд фактов и отношений между Русью и греками, мы должны прийти к заключению, что политическая сторона восточного вопроса весьма мало затронута была греческими выходцами. Нельзя сказать о греках, что они развивали в Москве идею политического преобладания России на востоке, подстрекали русского царя к осуществлению русских планов в восточном вопросе. Точно также следует отрицательно высказаться и в том отношении, что греки влияли на изменения в гражданском и церковном устройстве Московского государства, изменения, подготовлявшие русского царя к главенствующей роли в православном мире. Максим Грек высказывает по этому поводу свои чаяния и надежды, но не формулировал вопроса ясней, не показал, как при настоящих обстоятельствах Москва точно могла быть полез-

ной порабощенному турками востоку. Константинопольский патриарх, утверждая царское венчание Ивана Грозного, называет его «надеждою и упованием» всех родов христианских, которых он избавит от варварской тяготы и горькой работы, от скверных варвар, страшных агарян. Александрийский патриарх Иоаким писал тому же Грозному, что вся его

надежда на солнце-царя, что его рукою избавится когда-либо восток от руки злочестивых. В разговоре с московским послом в Цареграде он же выражался определеннее: ныне достиг я великой старости и не велит мне Бог видеть, как Господь Бог подаст московскому государю наследие царя Константина и покорит все царства к подножию его, а мы чаем того у Бога, что подаст ему государю Господь в наследие Константина царя в недолгое время, так написано в откровении Иоанна Богослова. Синайский митрополит Иеремия говорил: молим Бога и весь порабощенный род греческий, чтобы нам сподобил Бог видеть на Константинопольском престоле царя царей, великого государя Михаила Феодоровича. Если взвесить все эти заявления, они почти ничего не прибавляли к тому, что уже было в сознании русских с конца XV века. Так что мы должны признать, что греки подобными заявлениями думали лишь льстить русским, сказать им любезность, а на самом деле нисколько не содействовали практическому осуществлению провиденциальной миссии России. Ибо несомненно, что источник греческих чаяний есть мистическая литература, о которой говорено было выше. Те греки, которые пространнее изложили свой взгляд на это дело, ссылались то на книги, в которых написано, что от страны Московския сядет царь в Константинополе, то на пророчества (Паисий Лигарид), то на знамения, которые совершаются и толкуются самими турками в смысле близкого изгнания их из Цареграда и святой Софии. Только в самом конце, XVII века и то под влиянием движения у южных славян и малороссов греки в первый раз высказывают более или менее определенные воззрения на осуществление Россией политического перепорота на востоке. (Программа Паисия). В связи с этими заявлениями нужно поставить Прутский поход Петра I.

Словом, греки шагу не сделали дальше того, что вошло

56

в сознание русского общества в конце XV века. Это была странная ошибка, ибо в русском сознании восточный вопрос развивался и грекам нельзя было игнорировать это движение. Мы должны, следовательно, заключить, что не в византийских влияниях была причина, удержавшая русских от увлечений и соблазна, представляемого сношениями с Римом.

Как же развивались национальные воззрения на восточный вопрос? Устраняя западноевропейские влияния и не получая равномерных

воздействий со стороны греков, не обрекли ли мы себя в восточном вопросе на праздные мечтания, косность и бесполезную трату времени?

VI.

В развитии восточного вопроса на Руси было нечто оригинальное. Мы не усвоили целиком подсказанной нам роли со стороны римских и венских дипломатов, не оставались и на мистической, а частью фантастической почве, с которой не сошли и греки, более нас старая нация, несомненно лучше образованная. Греки и в России не подметили внутреннего развития, не подсказали ни одного практического шага, которым бы воспользовались русские государи, как не были они организаторами национального движения среди славян. Самые крупные приобретения, сделанные русскими на пути развития восточного вопроса, были противоположны греческим воззрениям, так сказать насильно вырваны у пиков. Я не имею нужды здесь входить в подробности внутреннего развития московской идеи восточного вопроса. Она остается верна тем исходным моментам, которые указаны были ранее. Москва заменила Константинополь, такова была фикция в XV веке, теперь Москва снаряжается восточными святынями и украшается мощами и снятыми угодниками. Русский князь есть естественный преемник царей, и московские великие князья принимают соответствующий титул и венчаются на царство по обычаю цезарей. Церковная власть московская есть преемница римской, и митрополиты московские возводятся в сан патриарха. Православие блистает сонмом святых, появляются русские Четьи Минеи, и Стоглавый Собор узаконяет автономное церковное управле-

57

ние на Руси. Если вдуматься в эти крупные явления развития XVI века, то в них нельзя не усмотреть очень последовательного проведения принципов, теоретически заявленных в XV веке. Греческие выходцы нисколько не участвовали в этом движении, напротив тормозили его: патриаршество выиграно было русскими, благодаря искусным переговорам и щедрым милостыням. По поводу признания царского достоинства за Грозным шли продолжительные переговоры с патриархами и с трудом доведены были до желаемого конца. Русские очень толково сообразили—чего им искать на востоке и за чем обращаться на запад. Из Рима постоянно указывали на возвеличение чести и достоинства русского

царя, но у нас были свои воззрения на этот предмет и нам совсем не лестно было получить оттуда королевский венец. Из Рима подстрекали нас к передовой роли в задаче обломать рога султану; мы не отказывались от чести, но понимали, что эта шутовская роль нам одним не под силу и что под знаменем латинской церкви нельзя поднять восток к движению против Турции. Нам очень прямо указывали на константинопольское наследство, но мы чувствовали, что это наследство скорей бы досталось польскому королю и что на западе хотят загребать жар чужими руками. Главное же, русские поняли прежде всех — в чем заключается единственная жизненная сила в разрешении восточного вопроса. Раз усвоив себе идею главенства на православном востоке, они не решались поступиться ни единой пядью на занятой почве. История показала, что позиция была выдрана верная; если бы нас выбили из нее в XVI веке, то карта восточной Европы была бы теперь совсем другая.

Идея восточного вопроса не оставалась в России предметом чаяний и благочестивых упований, но проявлялась в политике. Новизна и оригинальность постановки восточного вопроса обнаруживается с одной стороны в народных движениях и заявлениях, вытекающих из признания первенствующей роли России среди поработанных турками народностей, с другой — и в самой внешней политике царей. Вследствие исторического изучения восточного вопроса Антонию Поссевином и венецианскими государственными людьми пред изумленными глазами европейцев предстала идея панславиз-

58

ма под гегемонией России. Эта идея далеко не утратила европейскую политику, напротив в ней видели сначала панацею против всех зол и смело открывали России глаза на те громадные силы, которые ждут только ее мановения. Появилось множество записок и меморий, посвященных рассмотрению этнографического состава населения Балканского полуострова и соображениям о числе войск, которое может быть выставлено славянами. Тогда было оценено и политическое значение России на востоке. В конце XVI в. делается общераспространенным мнением, что разрешение восточного вопроса может последовать только из России, которая найдет точку опоры среди народностей Балканского полуострова — в силу неограниченного доверия к ней Болгар, Сербов и Греков.

Царь Иван Грозный, завоевав Казань и Астрахань, положил начало к ослаблению мусульманства; в сношениях своих с папой он постоянно указывает на это обстоятельство: «при всеблаготворительности Божией доселе ратуя на неверных, мы и впредь готовы стоять против них». В самый важный момент своей жизни, призывая вмешательство папы в споры с Баторием, он отправлялся из того же положения, и в переговорах с Поссевином выставлял: «что папа наказывал, чтоб скорей к миру меж всеми государями и против бы бусурман за один сопотивляться, ино и мы того любнтельно хотим, да только не поставя меж собой мира как против бусурман стоять»? — Что Грозный не даром выставлял свои заслуги, это доказывается положением, которое приобрела Россия среди славян и даже во мнении турок. В Турции были хорошо известны проекты лиги и планы для изгнания их из Европы. Султан просто издевался над европейскими государями и в сознании своей силы презирал папу и императора, которого даже считал своим данником. Но отношения к России были иные. Сулейман I в 1569 году в первый раз убедился в важности этой соперницы, когда посланное им войско для изгнания русских из Астрахани было разбито царем Грозным. Политическое значение России на востоке в первый раз было оценено венецианскими дипломатами— именно с точки зрения неограниченного доверия болгар, сербов и греков к России. В конце XVI в. делается обще-

59

распространенным мнением, что освобождение поработанных турками народностей может последовать только из России, которая и сама обладает достаточными к тому средствами, и может найти сильную точку опоры среди нарсутов Балканского полуострова. Это первенствующее положение России было замечено в Константинополе, и султан старался поддерживать дружественные отношения с Московским царем, принимая от него ходатайства за несправедливо обижаемых и заступничество за единоверцев. Неожиданный свет на эти отношения проливают донесения венецианских послов. Оказывается, что ходившие в Константинополь русские послы обращали на себя большое внимание европейских дипломатов, которые старались и—иногда удачно — выведывать их мысли. Оказывается, далее, что уже в XVI в. мы принимали меры к упрочению нашего влияния на Балканском полуострове. Венецианцы говорят о движении наших отрядов в Молдавию, чтобы посадить там на престол русского приверженца; сообщают о переворотах в Валахии, производимых московской партией. Если вспомнить, что Молдавия и

Валахия во всех проектах движения против турок предназначаются папой тому, кто примет на себя руководство в войне, то легко будет понять важность венецианских известий.

Итак, нужно признать, что Русь шла правильной дорогой по отношению к восточному вопросу. В намеченном направлении идет русская политика и народное сознание. В этом отношении следует вспомнить добрым словом малороссийских казаков. В 1585 году венецианскому дожу была представлена записка: какую пользу можно извлечь из союза с казаками в случае войны с Турцией. Автор записки (Гамберини) передает собственно разговор свой с гетманом, с которым он познакомился в Вильне. Гетман высказался перед тем, что казаки одушевлены желанием воевать с турками «во славу Божию и на вечную память казацкого имени», и что им в высшей степени неприятна принятая на себя Польшей роль оберегать Турцию от казаков и даже казнить последних за набеги их на турецкие крепости. Гетман уверял, что при первой надобности он наберет до 15 тысяч казаков. На вопрос, с которой стороны лучше напасть на Турцию, гетман

60

отвечал: для нас это все равно, это зависит от воли государей, которые окажут нам помощь; последствия будут те же самые, начнешь ли с татар или с турок. Казаки в союзе с соседними народами легко могли бы проникнуть врасплох до самого Константинополя, ибо турки ныне столь ослаблены и истощены, что не могли бы оказать серьезного сопротивления. Гетман всего более рассчитывает на дружественный союз с московскими казаками, живущими на Дону и с черкесами, храбрейшими войнами. Наконец, валахи, молдаване, болгары и сербы при первом появлении сильного казацкого войска, без сомнения, пристанут к нему. Нет сомнения, что на казаков обращено было внимание на западе именно вследствие наблюдений, сделанных над ними венецианскими дипломатами. Но крайней мере с тех пор венецианские агенты в Польше и Константинополе сообщают весьма тщательно собранные сведения о казаках. — Для нас во всем этом вопросе получается новая черта к иллюстрации значения восточного вопроса. Нет сомнения, что на дело казаков нужно отнести значительную часть того престижа, которым русские пользовались у южных славян и в Молдавии и Валахии.

Почти накануне эпохи самозванцев в юго-восточной Европе обнаруживается сильное освободительное движение, подготовленное венецианскими и римскими эмиссарами. Уже были распределены роли в имевшем начаться восстании. Обращено было внимание на русское население на Дунае, на Болгар, Албанцев. Местное движение должно было подать руку одновременному вооружению Трансильвании, Молдавии и Валахии. В то же время казаки имели сделать диверсию. От их восстания ожидали многого, и прежде всего эта стая орлов, как они названы в современных документах, должна была нейтрализовать Молдавию и Валахию, если бы султан захотел опереться на силы названных государств. Далее, они должны были занять турецкие и татарские силы и отвлечь внимание турок от настоящего очага восстания. Смелым ударом казаки должны были добыть себе славу и добычу. Отыскивали только вождя, который бы стал руководить всем предприятием, и имя которого пользовалось-бы популярностью среди заинтересованных в деле народов.

61

Таким вождем представился Московский царь. Во всей относящейся сюда литературе я не имею ничего более выразительного и более напоминающего роль России конца 18 или 19 века, как следующие слова в наказе аббату Комуловичу, отправленному в Москву в 1594 году. Царю весьма легко будет отправить войско из Смоленска в Подолию и отсюда в Молдавию, чтобы вести с турками войну во Фракии и занять города на Средиземном море. Эта экспедиция доставила бы русским славу перед всеми народами и обогатила бы их военной добычей. Но что особенно важно, русские получили бы вместе с тем возможность изучить на месте военное дело, наблюдая военное искусство немцев, угров и итальянцев, которые будут участвовать в этой войне. Кроме того, овладев некоторыми городами на Черном море, что не представит особенных затруднений, они могли бы там укрепиться и основать надежду на распространение своей власти в этом мягком и счастливом климате и открыть себе дорогу к завоеванию самого Константинополя, согласно древним притязаниям на Константинопольское наследство. Следует разъяснить царю, что угнетенные нации говорят тем же или мало отличным от русского языком, что все они умоляют небо послать им свободу чрез своих соплеменников и ничего так пламенно не желают, как увидеть в русских своих избавителей и патронов. Христиане всех этих стран соблюдают греческий обряд, это служит самым лучшим результатом широкого и блистательного успеха русских на Балканском полуострове.

Такова реальная почва, на которую постепенно сведен был восточный вопрос. Нужно отдать честь панскому правительству: оно своевременно поняло, что восточный вопрос не может быть решен без участия православного восточно-европейского населения, тянувшего к России своими симпатиями. Высочайшей политической ошибкой пап было то, что они не хотели отделить религиозной стороны от политической, и что католическая пропаганда тормозила выполнение самых остроумных комбинаций. Но почва, на которой будет разрешаться восточный вопрос, определена была верно, и главные факторы отмечены безошибочно. На сознании твер-

62

дости этой почвы основывается, кань мы видели, и русская программа разрешения восточного вопроса.

Русские люди XV и XVI века, которые по-видимому так тупо и бессмысленно отстаивали обряды, касающиеся титула и чести государевой, и которые упорно держались своих теорий и традиций, в сущности создавали исторические основания для Москвы в восточном вопросе.

Миссия аббата Комуловича была накануне эпохи самозванцев—за пять или за шесть лет до той поры, как появились первые слухи о Московском царевиче, спасшемся от подосланных Годуновым убийц. Это в последний раз Рим действовал на Россию согласно своим обычным приемам, наблюдаемым через все XVI столетие. После смутной эпохи нельзя уже было прикрываться ни гуманными, ни доброжелательными к Москве целями, ибо тайна двойной игры слишком явно обличилась в начале XVII века. В Польше напали средство положить конец недоразумениям и заставить папу высказаться прямо — чью сторону он будет держать, московскую или польскую?—Личность первого самозванца до сих пор не выяснена. Недавно в Русской Исторической Библиотеке напечатан новый документ, относящийся к этому вопросу: письмо из Архангельска от 4 июля 1605 года. В нем находит себе сильную поддержку известное мнение академика Миллера и воззрения Костомарова, изложенные в истории смутного времени. В нашем письме говорится: некоторые бояре, поняв намерения и планы Бориса Годунова утвердиться на царстве, нашли средство удалить из страны младшего сына императора Ивана Васильевича, по имени Дмитрия Ивановича, в его юношеские годы,

приказана» вместо него умертвить другое дитя. Ходит слух, что со всевозможными предосторожностями его препроводили в Италию, а потом он жил в Польше.

Но пусть тождество первого самозванца с Дмитрием царевичем остается под сомнением. Не подлежит спору то обстоятельство, что с первым самозванцем Польша осуществила часть знаменитого проекта Стефана Батория, посадив на Московское царство католического государя. В литературе вопроса довольно уже выяснено, кто старается извлечь для себя пользу из эпохи самозванцев. Всматрива-

63

ясь в новые материалы о норном самозванце, сообщенные в книге г. Пирлинга, нельзя не проникаться сожалением к самозванцу, как к неосторожному расточителю, наделавшему долгов на честное слово и осаждаемому неумолимыми кредиторами, которые не внимают его просьбам — извинить и обождать. Римские и польские советники самозванца, в ослеплении неожиданным успехом, и не взирая на деликатное его положение в Москве, спешат учредить в России постоянное дипломатическое представительство паны, т. е. навязывают самозванцу легата, составляют проекты об иезуитских школах, жалуются на медленность проведения унии. Не успел еще самозванец основаться в Москве, а ему уже внушают план кампании с турками, т. е. создают из России базис Батория для разрешения восточного вопроса и требуют категорически, чтобы он не забыл полученное благодеяние и обет, и объявил скорей унию с Римской церковью! За два дня до катастрофы, погубившей самозванца, вошел к нему иезуит Савицкий и нашел его в спальне сильно озабоченным и взволнованным. О чем же говорит этот руководитель и советник? Опять о пользах Римской церкви: об иезуитских школах в России, о делах своего ордена и испрашивает разрешение иметь более свободный доступ во дворец и не в урочный час.

Смутная эпоха—крайне важный момент в истории восточного вопроса. В Риме и Польше слишком поторопились торжествовать победу и заставили нас еще энергичнее держаться своих старых устоев. В политическом отношении смутная эпоха побудила Россию покинуть на время восточную политику; на место турецкого настоятельно выдвинулся для нас польский вопрос. Пока он не был разрешен в восточном вопросе мы были обречены на пассивную роль. Таким образом, почти на

полтора года лет восточный вопрос перестал быть для России первостепенным— в том по крайней мере значении, как он понимался в конце XVI века. Я имел в виду изложить происхождение и развитие восточного вопроса, и считаю свою задачу оконченной. В заключение сделаю несколько общих выводов.

Почти триста лет отделяет нас от того периода, на котором мы остановились в изложении нашего предмета.

64

С тех пор утекло много воды; выдвинулись новые народности с своими интересами, очень значительно изменилась карта Европы. Но возможно-ли сказать, что изменились отношения России к восточному вопросу?

Внутренние факторы восточного вопроса остаются в России и ныне те же самые, что были прежде. Изменилась арена и внешние деятели. Венеция передала свое могущество и морское влияние Англии, на место Польши, ревниво оберегавшей свои права против России, появилась Австрия, которая не менее прежней Польши и в сущности по тем же причинам заинтересована в восточном вопросе. Вспомним, что в конце XVI в. восточный вопрос сведен был к политическим интересам завоеванных турками христианских народностей. Эти интересы ныне частью удовлетворены, что свидетельствует группа политических организмов на Балканском полуострове, возникших из прежних поработанных народностей. Новое время принесло, однако, и существенные осложнения в занимающий нас вопрос. Европейская политика, подстрекавшая прежде Россию во имя славянской идеи к передовой роли в восточном вопросе, теперь сама ужаснулась ею же громко провозглашенных прежде принципов. Следствием этого с одной стороны было уклонение от гуманного принципа, выразившееся в захвате двух провинций турецких Австрией, а с другой—туркофильская политика Великобритании, направленная к охранению неприкосновенности Оттоманской Порты. Западноевропейская точка зрения на восточный вопрос указана еще в XVIII веке, и донныне сохраняет свою силу. «Оттоманская империя обязана своим существованием взаимной зависти некоторых христианских государств, которые в сущности опасаются не столько падения этой империи, сколько усиления тех, кто поделит ее обломки. Интересы мореходства и торговли с востоком играют в этом отношении решительную роль».

Таковы вообще отношения западной Европы к восточному вопросу, для которых, впрочем, могут быть указаны иллюстрации в XV и XVI веке.

Русские с своей стороны имеют в восточном вопросе известного рода наследие, которое они приняли от предков и в свою очередь должны будут завещать грядущим

65

щим поколениям. Как же смотреть на это наследство мыслящему человеку? Представим себе, что нам попался в руки послужной список нашего предка, в котором отмечена его служебная карьера, и вообразим себе политику России в восточном вопросе как служебный список всех предшествующих поколений русских людей. Найдется ли для нас что поучительное и достойное подражания в истории восточного вопроса? Можем ли мы сказать с спокойной совестью про наших предков: да, они исполняли свой долг?

Прежде всего приходит на память, что Россия выработала в восточном вопросе свои предания. С точки зрения западноевропейской политики, освобождение христианских народностей немислимо без территориальных расширений в пользу того государства, которое примет на себя задачу руководить всем движением. У нас принято было за правило еще в прошлом столетии следующее положение: Россия не имеет нужды в расширении. Россия сочла необходимым содействовать образованию независимых христианских государств, и настойчиво проводила эту мысль. Такова была идея Екатерины II в первую турецкую войну, такова же была мысль знаменитого греческого проекта— образование самостоятельного дакийского государства и восстановление греческой империи без всякой возможности соединения с российской. Этому правилу Россия осталась верна и в XIX веке. В записке, поданной императору Александру I (1802 г.), граф Кочубей в первый раз формулировал мысль, что «интересы России в восточной политике не те же, что Франции и Австрии. Независимо от того, что Россия не имеет нужды в расширении, нет соседей покойнее турок, и сохранение сих естественных неприятелей наших должно действительно впредь быть коренным правилом нашей политики». Роль России в освободительном движении греков, сербов и болгар хорошо известна и может быть оцениваема по результатам. Лично для себя Россия не приобрела никаких выгод.

Итак, мы поступились исконной теорией константинопольского наследства и не думаем о расширении своих владений на счет освобождаемых христианских народностей.

66

Это, конечно, не может быть признано политическим успехом в восточном вопросе, а потому завещанное предками наследство покажется, пожалуй, обременительным, соединенным с тяжелыми обязательствами. Но нас не должны смущать эти обязательства столько же потому, что история народов не всегда слагается из суммы выгод, которые можно взвесить и оценить, сколько и в виду весьма определенных традиций и принципов, которыми достигаются высшие цели национального развития.

Бесспорно, что наше положение по отношению к восточному вопросу и ныне оценивается с точки зрения громадного влияния России среди единоплеменных и единоверных народностей Балканского полуострова. Взгляды Польши XVI и XVII века восприняты западноевропейскими государствами, что очень рельефно выразилось в Крымскую войну. Мне стоит лишь напомнить минувшую войну с турками, сопровождавшуюся образованием нового политического тела на Балканском полуострове, и всякий почувствует, что этим подвигом Россия документировала как памятование исконных традиций относительно восточного вопроса, так и верность усвоенным ею принципам.

В каком направлении пойдём далее развитие восточного вопроса? Очень любопытная загадка, которую, однако, я не буду пытаться разрешать. Мне кажется, что нельзя дать готовую формулу разрешения восточного вопроса, которая должна получиться как результат взаимодействия громадного множества элементов. Чтобы эти элементы сложились в благоприятном смысле, необходимо мыслящему русскому человеку определить свое отношение к такому важному в историческом и общественном смысле вопросу, как восточный. Сознательное к нему отношение может стать руководящим в поведении каждого принципом и предохранит от двоеверия, вялости и косности. Как теоретик, пишущий эти строки мог задаваться и действительно предположил себе не политическую и практическую цель, а чисто теоретическую: по мере сил содействовать общественному сознанию по отношению к восточному вопросу. Было бы большой ошибкой все значение для нас восточного

вопроса измерять политическим горизонтом. Как в XV, XVI веке в развитии русской общественности положены были основания во-

67

сточного вопроса, так и ныне к общественном сознании усматривается указатель наших отношений к восточному вопросу.

В русском сознании, как оно проявляется в общественных и литературных группах, преобладают у нас два всем известные направления—западническое и славянофильское. По моему мнению, вне идеи восточного вопроса, понимаемого конечно в широком смысле, этим так называемым партиям нельзя найти объяснения и оправдания в русской жизни. А это в свою очередь приводит к заключению, что идея восточного вопроса и доселе не утратила того важного значения в русской жизни, какое показано для XV и XVI века. В оценке фактов древней истории и в определении целей русского общественного развития и внешней политики, славянофильское направление бесспорно стоит на твердой исторической почве, опираясь на определенные традиции и веками складывавшиеся воззрения. Указывают—и не без основания—на недостаток ясных формул у славянофилов и на отвлеченность их построений. Такова, между прочим, и недавно выставленная формула: «возвратиться домой». По своей абстрактности она подает руку фикциям XV века о Москве, третьем Риме, или о перенесении в Россию из Константинополя символов светской и духовной власти. Противники славянофилов имели полное право недоумевать и спрашивать: какие же общественные и исторические идеалы московского периода, чтобы можно было к ним возвратиться в XIX веке? В упомянутой формуле есть, однако, реальный смысл, как и в фикции старца Филофея, если рассматривать ее с точки зрения национальных русских задач по отношению к восточному вопросу. Она является предупреждением, что в восточном вопросе нам не нужно следовать западноевропейским внушениям, иначе мы утратим положение, в создании которого участвовали многие предшествующие поколения. Она благовременно напоминает далее о знамени, без которого русская история не имеет центра и главного рычага, ибо несомненно, что до сих пор восточный вопрос является организатором нашей внешней истории и стимулом нашего общественного развития. В этой формуле должна быть сделана некоторая поправка в том смысле, что, и находясь у себя дома,

Москва не пренебрегала западом и охотно следовала западным образцам, когда считала это полезным.

Каковы бы ни были дальнейшие фазы развития восточного вопроса, Россия не может держаться от него в стороне. Это налагает обязанность на мыслящего русского человека ясно формулировать свои отношения к восточному вопросу.

Ход дел у славян направляется к тому, что они должны скоро почувствовать то же положение, которое мы переживали в XV и XVI веке. Когда славяне придут к сознанию, что с запада им несут дары Данайцев, и поймут необходимость в мерах к охранению народностей, они должны будут искать противовеса в русской науке русском языке, литературе и образованности. Русская же наука, а равно и русская общественность не может пренебрегать западноевропейскими образцами... В этом мы полагаем нашу национальную и культурную задачу относительно будущего развития восточного вопроса.

Ф. Успенский.